

А Б Р А М Г Р О С С М А Н

КАТАРСИС

Абрам Гроссман

Катарсис

«Алетейя»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гроссман А.

Катарсис / А. Гроссман — «Алетейя», 2015

Судьба двух психологически разных, но равноценных по значимости в романе героев. Роман представляет нелинейную цепь событий, которые соединяются, чтобы выявить процесс духовной трансформации героев в момент, когда человек сталкивается с глубоко личной трагедией, и построен в форме множества эпизодов, переданных в виде ретроспекций-воспоминаний, галлюцинаций и снов. Образы героев собирательные, большая часть событий происходит в Сибири, где автор работал несколько лет. Имена, время и места событий вымышлены.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гроссман А., 2015
© Алетейя, 2015

Содержание

К читателю	6
От автора	7
Предисловие	8
Пролог. Очищение Сибирью	11
Глава первая. Фишер	13
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Абрам Гроссман

Катарсис

© А. Гроссман, 2015

© Л. Улицкая, 2015

© протоиерей А. Борисов, 2015

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2015

К читателю

Автор этого романа, Абрам Гроссман, профессиональный генетик, чья карьера началась в России, а потом продолжалась в Израиле и в Америке. Литература для него – любимое хобби. Впрочем, дарования автора весьма многосторонни, свой досуг он много лет делит между литературными опытами и ремеслом художника. Однако, что бы он ни делал, перед ним всегда стоят задачи философские, касающиеся самых глубинных основ осознания и существования человека.

В романе «Катарсис» он исследует древнюю тему сосуществования в одной личности добра и зла. Почему при огромном разнообразии в одной и том же человеке самых противоположных дарований и стремлений в одних случаях побеждают задатки гуманные, в других – низменные. Каким образом в одном человеке уживается любовь и ненависть, нежность и садизм? Что именно делает нас такими, каковы мы есть? Что помогает человеку подниматься над предрассудками времени, над тяжелым давлением, которое порой оказывает окружение? Несет ли человек хоть какую-то долю ответственности за то, с каким результатом приходит он к финишу, который неизбежно ожидает каждого живущего?

Все эти вопросы очень древние, их возраст почти равен возрасту самого вида *Homo sapiens*, и ответы на этот вопрос у каждого времени свои. Роман А. Гроссмана продолжает вечный разговор на эту тему, которая, в сущности, неисчерпаема. Сочетание научного подхода к жизни и интереса к духовным проблемам пребывания человека на земле, чувство истории, глубокое сочувствие к человеку и природный оптимизм автора в полной мере отражены в этом повествовании.

*Людмила Улицкая,
писатель*

От автора

Эта книга посвящается светлой памяти священника Александра Меня, а также моим друзьям – Александру и Нонне Борисовым, Михаилу Евгеньеву, Павлу Меню, Марусе и Виталию Рубиным, Людмиле Улицкой, Светлане Жевновой и многим другим не упомянутым, но дорогим моему сердцу единомышленникам далекой, но не забытой юности. В самом духе книги отозвались идеи волновавшие и окрепшие в нас в то время, а в героях нашли отражения «друзей моих прекрасные черты» – их благородство, отвращение к любому виду насилия, сила духа, умение прощать и любить.

В своем оригинальном варианте книга была написана на английском языке, поскольку создавалась в то время, когда Соединенные Штаты были моим домом. Поэтому я в первую очередь глубоко признателен мисс Кэй Вивиан, по настоянию которой и возник первый вариант книги. Она убедила меня записать те воспоминания о событиях и встречах моей жизни, которые впоследствии послужили основой для книги, а затем редактировала рукопись. Без ее постоянного интереса и поддержки я никогда бы не закончил этот труд.

Также приношу искреннюю благодарность членам литературного объединения «Полет» (Натания, Израиль), убедивших меня перевести на русский язык всю книгу, после того, как они услышали ее отрывки. Я ценю их дружескую критику и участие в редактировании отдельных фрагментов рукописи. Особенно я признателен Галине Таск, ставшей «крестной матерью» русского варианта, которая с большим тактом и профессионализмом не только отредактировала весь русский текст, но и вела меня за руку от начала повести до ее конца.

Абрам Гроссман

Предисловие

Роман Абрама Гроссмана «Катарсис» (от др. – греч. κάθαρσις – возвышение, очищение, оздоровление) посвящен самой трудной и самой провоцирующей для каждого человека проблеме – проблеме зла в мире. В самом первом приближении, очевидно, что есть как бы два вида зла: зло природного происхождения, – болезни, природные катастрофы и т. п., – и зло творимое самим человеком. При всем многообразии видов зла, обычно творимого человеком, оно так или иначе является вариациями отступления от фундаментальных нравственных принципов известных нам, христианам, как Десять Заповедей Моисея.

Однако самым загадочным и пугающим является то, что немалое число людей наслаждаются возможностью причинить страдание другим, – женщине, заключенному, ребенку, – запугать и унижить их, и, тем самым, возвыситься самому пусть даже в ничтожном объеме предоставленной им власти. Эта человеческая черта оказывается особенно востребованной в условиях тоталитарных режимов, когда по воле вождя или правящей партии все население должно мыслить и действовать максимально единообразно, и малейшее отклонение от декларированных норм жестоко наказывается. В романе А. Гроссмана люди, осужденные скорым и несправедливым советским судом, немедленно оказываются «по ту сторону» всякого человеческого к себе отношения, они лишь «расходный материал» для выполнения самых тяжелых и опасных работ на строительстве «светлого будущего».

Именно от этого вида зла более всего страдает герой романа А. Гроссмана – Йозеф Фишер, раввин из Вильно, разделивший судьбу репрессированных немцев Поволжья, чудом выживших в Сибирской тайге. Он сохраняет цельность своего духа исключительно благодаря непоколебимой вере – доверию Богу Авраама, Исаака и Иакова. Эту веру он поддерживал не только верностью в исполнении ежедневных традиционных молитв, но и своими постоянными изысканиями в постижении глубинного смысла Торы (Пятикнижия Моисея). Фишер приходит к важнейшему для каждого человека выводу: подвергаясь жестоким ударам судьбы, не следует спрашивать Всевышнего: «За что?». Следует задавать совсем другой вопрос: «Для чего?». И тогда человек постигает, что цель его жизни не в поиске теплой лежанки, а в делании добра на том месте, на котором его поставили попущенные Всевышним обстоятельства.

Самыми драгоценными вещами в его скудном арестантском багаже, кроме тффилина (коробочки с цитатами из Библии, которые привязывается на руку и на лоб во время молитвы) были его записи на бересте (за неимением бумаги) результатов изучения сокровенного смысла древнееврейских текстов. Дело не в избранном им необычном методе изучения символического значения цифровых значений древнееврейских текстов и слов (так называемой гематрии), а в том, что текст Св. Писания был для него горячо любимым Словом Божиим. Такое отношение к своей вере и дает возможность для постоянного духовного роста. Он преисполнен благодарности Всевышнему за каждый светлый кусочек прожитой им жизни. Йозеф постоянно размышляет над загадкой возможности обращения человеческой души от зла к добру.

В лагере Фишер подружился с репрессированным биологом Лищевым. Они находят аналогию в тайне покаяния и обращения грешника от путей зла к добру, сравнивая процесс покаяния грешника с процессом превращения серой невзрачной гусеницы в прекрасную бабочку. Когда гусеница закрывается в жесткий кокон, все ее внутренние структуры разрушаются и превращаются в некий белковый бульон. Из этого бульона формируется бабочка, совершенно непохожая на ту гусеницу, которой она обязана своим появлением. Все новые структуры тела бабочки формируются за счет всего лишь нескольких групп клеток гусеницы, называемых «имагинальными дисками» («имаго» – взрослая стадия организма, в данном случае это бабочка). Именно в этих дисках содержится вся информация о строении будущей бабочки.

Здесь автор романа использует весьма удачную биологическую метафору. Подобно преображения гусеницы в бабочку, превращение грешника в праведника происходит за счет тех «островков» добра, которые несмотря ни на что все-таки имелись в душе грешника. Таким образом, несчастья личной судьбы человека становятся этапом для победы добра над злом, когда в его душе пробуждаются и начинают действовать семена добра. Здесь происходит то, что по мысли Аристотеля есть катарсис, очищение через пережитую героем трагедию.

Автор использует необычную емкость художественного образа метаморфоза бабочки и словами биолога Лищева, распространяет идею катарсиса на человеческое общество. Революции, войны, утопические социальные эксперименты, которые оборачиваются миллионами жертв, могли бы стать катарсисом для всего человечества при обращении к вечным идеям добра. Но это уже апокалиптический масштаб истории, выходящий за пределы романа.

Йозеф постоянно размышляет над загадкой возможности обращения человеческой души от зла к добру. «Хотя человек грешит снова и снова, но Я приму каждого вернувшегося с покаянием» (Иерусалимский Талмуд). Эти слова, взятые автором в качестве эпиграфа к роману, позволяют Йозефу не ожесточиться, не терять надежды на обращение каждого человека к добру через покаяние. Йозеф Фишер умирает от истощения в нечеловеческих условиях лагеря, но дух его остается поразительно живым и светлым до последней минуты.

Вера Фишера в Божественное милосердие продолжает себя реализовывать в образе его мучителя, офицере КГБ Василии Мокине. Скупые сценки из детства Васи Мокина, отравленного жестокостью вечно пьяного отца, делают понятным, откуда в этом, в общем-то, неплохом деревенском мальчишке, вдруг прорывается страшное наслаждение собственной жестокостью над беззащитными репрессированными.

Однако Мокин и сам неожиданно оказывается в очень трудной жизненной ситуации. Во время службы в Якутии, он в лютый мороз по неосторожности проваливается в реку и с воспалением легких попадает в больницу. При выписке из больницы санитар, сам осужденный, по ошибке принимает Мокина за заключенного и вываливает на него все издевательства и унижения, которые обычно достаются тем, кто в тюремной иерархии занимает самое низкое положение. Мокин на короткое время становится жертвой такого же жестокого обращения, которому постоянно подвергались заключенные, находившиеся в его власти.

Именно в этот момент крайнего унижения и слабости в его жизни пробивается лучик света, который все меняет. Униженный, избитый Мокин оказывается рядом с молоденькой женщиной, бывшей проституткой Дашей, которая проявляет к нему неожиданный интерес и заботу. Даша приглашает его к своей опекунице, Евгении Оболенской. Мокин соглашается, так как ему надо хоть на одну ночь у кого-то остановиться, прежде чем пойти за новым назначением в местное отделение КГБ. Василий Мокин оказывается в совершенно новой для него атмосфере взаимных привязанностей добрых и умных книг, живописи, культуры и т. п., что Оболенская принесла с собой в небольшую комнатку в коммуналке якутского города. Вскоре открывается таинственная причина внимания к нему со стороны Даши. Она узнала в Мокине офицера, который когда-то поделился хлебом и даже угостил ее конфетами на урановом руднике, где Даша была в числе детей-сирот умерших заключенных.

Вот эта крупинка добра, проявленного Мокиным по отношению к незнакомой девочке-подростку, становится началом пути из лабиринта, что выводит Василия из мрачного мира насилия, мира, разделенного на «своих» и «врагов» в мир нормальных человеческих отношений. Эти отношения задуманы Создателем как отношения любви к миру, к жизни и благоговения перед ее Тайной, непостижимой в плоском подходе только посюсторонних суждений и оценок. Не случайно в самом конце романа автор приводит своего героя к православному священнику. Стараясь поддержать Мокина в его переживаниях о трагических судьбах жены и дочери, старец не дает ему всеобъемлющего однозначного ответа. Он лишь напоминает ему о

тех добрых людях, которых Мокин встретил в своей жизни, и о необходимости передать своему внуку всю ту мудрость, которую Василий вынес из своего трудного пути.

Книга написана живо и увлекательно. Читатель встретит много прекрасных картин природы, как результат впечатлений, которые А. Гроссман вынес из личного участия в биологических экспедициях в Сибирь и на Дальний Восток. В целом книга заставляет читателя задуматься о той великой ответственности, которая возлагается Творцом на каждого человека, оставаться благодарными за все доброе и прекрасное, что мы встречаем в жизни, и за то благое воздействие на жизнь, которое складывается из наших мыслей и поступков.

*Протоиерей Александр Борисов,
Настоятель Храма во имя Святых Космы и Дамиана,
август четырнадцатого года*

Пролог. Очищение Сибирью

И сказал Адонай, да будет благословенно имя Его: «Вот, драгоценный дар, который я даровал моему миру – хотя человек грешит снова и снова, но я приму каждого вернувшегося с покаянием»

Иерусалимский Талмуд

Древние, выветренные многими тысячелетиями, Уральские горы делят Россию на две неравные части – Европу на западе и Азию на востоке. Сибирь, старейшая Твердь земли нашей, является огромной территорией, занимая большую часть азиатской части России. Много мелких, безымянных рек, речушек и ручейков сливаются в могучие сибирские реки: Обь, Енисей, Лена и Колыма. Они пересекают равнины, леса и тундру и в конечном итоге впадают в Северный Ледовитый океан. Эти реки за тысячи лет выточили себе русло в каменном массиве величественных сибирских гор, вершинами подпирающими небо. Суровые кряжи и хребты Сибири с разлета врезаются в зелено-черные моря Северного Ледовитого океана, где останавливают реки свой стремительный бег, начатый далеко на юге.

Сибирь погружена в бесконечные тайны. Даже происхождение ее названия таинственно и непонятно. Возможно, оно происходит от тюркского слова «сибир», означающее – «подметай», что связано с многочисленными сибирскими метелями и буранами. «Сибир» по-монгольски означает «красивый», что добавляет другой смысл в слово Сибирь (соболь, название животного с самым красивым мехом, пришло из того же корня).

Бескрайняя Тайга покрывает большую часть Сибири. Огромные деревья, многие до двух метров в диаметре, стоят как мифические охранники у входа к святым местам, спрятанным высоко в горах. Грустные и таинственные звуки неизвестного происхождения иногда нарушают глубокий сон леса или резкий крик пронзает застоялый воздух подлеска и, как хищная птица, отлетает ввысь. Только дикие звери чувствуют себя здесь дома. Шаманы сибирских народностей до сих пор продолжают рассказывать истории о странных и сильных духах этой земли. Безлюдие Тайги так глубоко, так полно и так необычно, что даже местные охотники боятся уходить глубоко внутрь Тайги и для передвижения внутри дикой природы используют реки.

Только однажды в истории многолюдные человеческие массы двигались из Сибири в Европу. Это было в XIII веке, когда Чингизхан объединил разрозненные монгольские племена под свои знамена и повел их на Русь. Славяне находились под татаро-монгольским игмом на протяжении более трех столетий, до самой смерти последнего из преемников Чингиз-хана – Огдая.

Иван Грозный был первым русским царем, который прогнал захватчиков обратно в Сибирь все дальше и дальше. Мало-помалу русские начали проникать в Сибирь. Реальное переселение славян в Сибирь началось, когда посланный отряд русских казаков под предводительством Ермака открыли надежный путь в эту землю. К концу XIV века казаки в больших количествах начали селиться в глубине Сибири.

Так как Сибирь была далека и трудна для добровольного заселения, ее территория использовалась русскими царями как идеальное место для политических и уголовных ссыльных. И первым из них стал не человек, а 700-фунтовый колокол из Углича – небольшого города под Москвой, о котором в «Сибирских летописях» так и говорилось: «первоссыльный неodusевленный с Углича». В 1591 году набатный колокол поднял на восстание людей, известив об убийстве в угличском Кремле наследника престола восьмилетнего сына Ивана Грозного, князя Дмитрия. Колоколу, как участнику восстания, вырвали язык, отрубили ухо, принародно высекли на площади 12 ударами плетей и сослали в Сибирь – в город Тобольск.

Многие ссыльные последовали по пути знаменитого колокола из Углича. Практически все русские цари и императрицы, а позднее советские правители, использовали Сибирь как место ссылки неугодных, всех кто не вписывается в общество. Политические и религиозные диссиденты, военные мятежники и военнопленные, интеллектуалы и революционеры, все нашли место в необъятной Сибири рядом с обычными преступниками, убийцами, контрабандистами и ворами.

Во время Советской власти Русский Север и Сибирь стали местом для ГУЛАГа, история которого тесно связана со спецпереселенчеством, начавшимся в 1929 году и продолжавшимся с некоторыми перерывами до 50-х годов прошлого столетия. Ссылка на спецпоселение в Сибирь означала бессрочное выселение в места, отдаленные от больших городов с обязательным проживанием в определенной для каждого ссыльного местности под надзором соответствующих органов. К выселенцам относились сосланные на спецпоселение национальные контингенты.

Среди них были и поволжские немцы, потомки немцев, переселившихся в Россию во времена царствования Екатерины II – было необходимо заселять, осваивать и закреплять за царской короной окраинные земли России на Северном Кавказе, в южной России и в нижнем Поволжье. В 1918 году декретом Совета Народных Комиссаров была образована автономная республика немцев Поволжья (АССР Немцев Поволжья), с административным центром в городе Энгельс. После начала Великой Отечественной войны немцы Поволжья были обвинены в сотрудничестве с Германией и Указом Президиума Верховного Совета СССР массово выселены в Казахстан, Алтай и Сибирь, территория автономии была разделена между Саратовской и Сталинградской областями.

Глава первая. Фишер

Переднее колесо телеги застряло в цепкой и черной болотной грязи. Василий Мокин, лейтенант вооруженной охраны, или ВОХРы, спрыгнул с повозки. Двое сопровождающих солдат, согласно инструкции державшиеся недалеко позади, подошли взглянуть, в чем дело.

– Не беда, товарищ лейтенант, сейчас мы ее в момент, – солдаты дружно ухватились за колесо и ось телеги.

– Раз, два, взяли! – скомандовал Мокин, с усилием толкая телегу сзади. С громким чмоком слюнявого поцелуя чавкающая грязь нехотя отпустила колесо. Телега освободилась, и солдаты продолжили свой путь.

– Виитютя, Виитютя! Иди сюда! Иди сюда! – радостно зывала птица из кроны высокой березы, слегка всполошившейся под легким ветерком. Голос был высоким и чистым, как краткая мелодия, сыгранная на кларнете.

– Слышь, Дубин, это она тебя зовет, – хихикнул веснушчатый узколиций солдат. Он вертел головой, пытаясь разглядеть пичугу в серебристо-зеленой листве. Станным был профиль его, весьма похожий на конопатый кукиш.

– Виииитя, Виииитя! Иди сюда, иди сюда, – попытался он повторить зов птицы.

– Где она, Панов? – солдат с коротким бесцветным ежиком волос и почти прозрачными глазами поднял лицо.

– Да вон там, видишь? – Панов смотрел вверх, производя при этом неопределенные движения рукой.

Ярко-желтая птица пропорхнула между деревьями. Черные кончики крыльев четко вычертили траекторию ее ныряющего полета. Было трудно поверить, что такое тропически ярко окрашенное существо с небесно-ясным голосом может жить в глуши сибирской тайги.

Петляющая тропа, плотно окруженная по обеим сторонам лесом, вилась вдоль широкой реки, которая иногда проблескивала сквозь густые заросли. Высокие массивные деревья склоняли тяжелые мохнатые ветви над тропой, образуя темный туннель. Стены и свод его были укутаны в длинные волосатые космы серовато-белого мха и заботливо проложены мягкими травами, папоротниками и древними хвощами. Серебристая полоса реки иногда вспыхивала искрящейся лентой совсем близко, как бы приглашая солдат сбросить прилипшую к телу пропотевшую одежду и освежиться в холодной воде.

В других обстоятельствах они так бы и поступили, но огромная туча комаров, мошки и оводов роилась над людьми и лошадью, впиваясь в живую плоть.

– Вот упыри, разнеси их мать, – солдаты махали руками и матерились на чем свет стоит, тяжело дыша и шагая по обе стороны телеги, в надежде, что мясистый зад лошади будет более желанной мишенью для насекомых, чем их измученные цингой и пеллагрой малокровные тела.

Мокин сидел боком на телеге, почти касаясь ногами земли. Крутой зад лошади вихлял прямо перед его носом, и он с некоторым удовольствием вдыхал знакомый с детства запах лошадиного пота, отгоняя надоедливых насекомых большой веткой осины. Беспорядочная масса гигантских слепней и мелкой, как пыль, черной мошки вновь и вновь оседала на взмокшей спине животного и пропотевшей солдатской гимнастерке. Редкие лучи солнца, пробившиеся через плотную завесу тайги, отражались в изумрудах выпуклых глаз громадных мух, просвечивая насквозь их отливающие перламутром тонкие, почти прозрачные крылья.

Сильный укус между лопаток заставил Мокина вздрогнуть.

– А чтоб ты сдох, шкуродер! – Мокин хлестнул веткой по спине, но слепень взлетел лишь для того, чтобы тут же вернуться.

* * *

Василий Мокин радовался, что получил это задание.

Несколько дней назад один из младших бухгалтеров исправительно-трудового лагеря внезапно умер от сердечной недостаточности. Время близилось к концу полугодия, к срочному составлению финансовых отчетов. В панике стали искать замену умершему бухгалтеру. В лагере человека знающего бухгалтерию не оказалось. Среди личных дел ссыльных приписанных к Управлению, нашли дело Ф30-68 спецпереселенца Йозефа Фишера, где было написано, что Йозеф Фишер, по специальности математик, рожденный в 1901 году в городе Вильнюсе, в настоящее время приписан спецпоселку Нижний Каменец.

– Нам нужен человек, который знает, как отнимать и делить, – предположил заведомо делом кадров, кадровик, как все его называли. – А этот еврей математик и, следовательно, хорошо разбирается в цифрах – он положил перед начальником лагеря серую с черными шнурками папку.

Начальник быстро пролистал бумаги: – Какого хрена, я тебя спрашиваю! Этот Ф30-68 никогда не подбивал баланс... да и говорит ли он по русски? – нотки сомнения слышались в голосе начальника.

– А и нет ничего страшного, – продолжал настаивать кадровик. – Даже к лучшему, что в бухгалтерском учете он не может отличить левую руку от правой и не болтлив.... Мы научим его, как нарисовать такие цифры, которые будут сиять даже ночью! Прекрасное сочетание – немецкий пособник и... бухгалтер. Почти такое же, как наш «врач» – враг народа, биолог и доктор наук. Пока никто не жаловался на нашего «доктора» – и все доходяги с радостью тащатся к нему лечиться.

– Ладно, – согласился начальник. – Где твой математик? Немедленно давай его сюда!

Стали искать коменданта Зверева, ответственного за спецпоселения в районе: он знал всех переселенцев в лицо, хорошо ориентировался в тайге (знал дорогу к каждому селению) и должен был без труда доставить нужного человека в ИТЛ. Однако, вскоре, выяснилось, что Зверева кто-то пристрелил; его полюбъеденный труп нашли в тайге пару недель назад.

– У меня есть идея, – радостно хихикнул кадровик. – По шлем Мокина... он крестный отец того еврея!

Мокина немедленно вызвали в административный барак лагеря.

– Работа есть для тебя, лейтенант. Нам нужен этот заключенный, – майор ткнул в лежащую перед ним раскрытую папку.

– Да знаю я его! – нескрываемое удивление прозвучало в голосе Мокина. – Я основал тот станок на Сухой Лебяжьей, притоке Подкаменной лет пять назад, – почти детская радость от неожиданного подарка сияла на его лице.

– Ну, вот и чудненько, давай, Мокин, давай двигай, – майор усмехнулся, – Могу поспорить, что там будут рады увидеть тебя снова... Надеюсь, ты еще помнишь, где оставил этого фашиста.

– Конечно! Примерно в двадцати километрах от Каменного Ручья вверх по реке, 798-й километр... кажется, там, – Мокин будто пытался отыскать что-то забытое в памяти.

– На все про все даю тебе пару дней, – майор посмотрел на карту. – Возьми нашу кобылу, ей тоже нужен отдых. Да, слышал я, что за новую звездочку на погонах ты пытался сделать из него шпиона. Это что, шутка, Мокин? Хотел прыгнуть выше себя? – майор посмотрел на Мокина. Он любил придавать «вохру», считая их солдатами второго сорта, да еще сильно не нравился ему этот выскочка – слишком усердный даже для такого жалкого места, как трудовой лагерь.

– Было дело, – глаза Мокина нервно забегали. Grimаса радости медленно сползла с лица, – Я думал, что это верняк.

– Он же не говорил по-русски, – усмехнулся опер, – для чего у тебя мозги, Мокин? Я тебя спрашиваю, как человек может быть шпионом в России и не говорить по-русски, а?

Обветренное лицо Мокина приобрело землистый оттенок недавно обожженного кирпича. Он молчал, цепко удерживая взгляд начальника, стыдливо ощущая, как тонкая струйка пота течет между лопаток. Мокину показалось, что с каждым вопросом его начальник выясняет что-то для себя лично.

Майор неожиданно сменил тон на официальный:

– Я рад, что у тебя есть особый интерес к ФЗО-68. Но не пытайся сделать из него врага народа снова! Мне нужен этот заключенный здесь, как живой бухгалтер, а не как мертвый немецкий шпион!

Майор смотрел на Мокина, пытаясь понять, может ли он доверить ему это дело или нет и, как будто решив что-то в последнюю минуту, смягчившись, почти по-отечески добавил:

– Вот что, Мокин, возьми-ка ты с собой пару солдат... Так, на всякий случай, если ФЗО-68 вдруг... Понял, что я имею в виду...

– Как прикажете, товарищ майор, – ответил Мокин, опустив глаза, как будто майор уже увидел в его руках дымящийся пистолет. – Я доставлю его сюда... живым. Разрешите идти?

Окончательно сконфуженный лейтенант Мокин поспешил из кабинета, чтобы, наконец, утереть пот, продолжающий свой безостановочный бег.

* * *

Гигантский слепень, прочертив в воздухе петлю, смачно шлепнулся на круп лошади прямо перед глазами Мокина и не спеша двинулся вперед, дотошно исследуя жертву. Довольно проворно добравшись до сочного места, он приостановился, предвкушая удовольствие. Мокин с интересом наблюдал поединок кобылы и кровососа, треугольная шпилька медленно вытянулась из головы насекомого и тут же исчезла, в одно мгновение пронзив шкуру животного. Животина яростно взмахнула хвостом, пытаясь скинуть кровопийцу, и резко дернула телегу.

– Полегче, Тетка, полегче! Еще чуть-чуть – и мы на месте, – Мокин со свистом прогнал слюну через припухшие десны и выплюнул розовую пену на бедро лошади, сбивая насекомых.

– У-у, аспиды-вурдалаки! – добавил он без особой злобы.

Выехав из Каменного Ручья почти на рассвете, группа двигалась без остановки, надеясь добраться в поселение до того, как жара взорвется с полной силой, но, заросшая за лето тропа, мало похожая на дорогу, часто полностью исчезала в мелких бочажинах и болотцах, затрудняя и без того нелегкий путь. Низкие ветки хлестали по голове и плечам, шиповник цеплялся за гимнастерки и душный, горячий день беспощадно наваливался адовым пеклом и несметными полчищами гнуса.

– Товарищ лейтенант, долго нам еще пилить? – раздался голос сзади.

Мокин посмотрел на часы. Потное лицо его распухло от укусов мошки и недоедания. Пеллагра не делала различия между заключенными и их охранниками.

– Скоро будем, – Мокин голодно отрыгнул, запах был отвратительный. Похоже, гниет что-то внутри, – отметил про себя.

В лагерях не хватало продуктов, свежие овощи солдатским пайком не предусматривались. Война закончилась, но продовольствия все равно не доставало. Все, в том числе и лагерные офицеры, истосковались по хорошей пище, и потому Мокин был рад уехать из лагеря

хотя бы на пару дней, рассматривая неожиданную поездку, как короткий отпуск на местном курорте.

Деревня Каменный Ручей хоть и считалась старообрядческой, но на самом деле в ней осталось всего несколько старообрядческих семей, живущих в отдалении от основного населения, занимающегося лесосплавом. Мокин не решился проситься на постой к староверам, в домах которых было чище чем у сплавщиков. Он хорошо знал их независимый характер – боялся получить отказ и потерять авторитет в глазах подчиненных – кержакам в высшей степени всегда было наплевать на любую власть. Охранники остановились на ночь у сплавщика Николая Рябова. Впервые за время службы они ели свежие, сорванные прямо с грядки лук, редиску, морковь – то, что просили их кровоточащие десны и шатающиеся зубы. Домашний хлеб и кусок вяленой медвежатины дополнили простую крестьянскую трапезу, после которой, непривычно сытые вояки, взобравшись на сеновал, беспробудно проспали до утра.

До поселения бывших поволжских немцев, которых Мокин бросил на голом берегу на произвол судьбы несколько лет назад, оставался короткий переход. Там, если он еще жив, в чем Мокин вовсе не был уверен, был еврей Йозеф Фишер, которого он должен был доставить в лагерь.

Вязкая тропа вдруг преобразилась в грунтовую дорогу (чему Мокин очень удивился, зная, что в этих местах грунтовок сроду не было), а вскоре перешла в крепкий торный путь, вымощенный тонкими прямыми ошкуренными жердями осинника, перемежавшимися зеленой травой и мягким мхом. Полотно дороги смотрелось как добротный, вытканый из порезанного тряпья половик с правильным геометрическим узором из параллельных бело-черных и зеленых полос. Колеса весело застучали, и кобыла, словно очнувшись от летаргического сна, оптимистично взмахнула хвостом и веселее, энергичнее поволокла телегу, как будто почуяла, что ее страданиям скоро придет конец. Солдаты тоже подтянулись ближе к подводе.

– Да здесь можно танцевать, ты глянь, в точности пол, как в нашем сельском клубе! – искусанное и расплывшееся грязное лицо Дубина озарилось ожиданием чего-то необычного и нового.

Поход в немецкую деревню был и для солдат счастливой возможностью хоть ненадолго сбежать от надоевшей службы в ВОХРе. Им осточертело каждый день, месяц за месяцем долбить заключенным одно и то же: «шаг вправо, шаг влево...», «отступи от метки...» или «сделай себя видимым...», когда подконвойный отходил в кусты.

Скучное это было занятие – следить за заключенными и ничего не делать, просто наблюдать, как они вырубали деревья, рыли канавы или торили грунтовые дороги, ведущие из лагеря в тайгу, а дальше – в никуда... Это был их второй год в армии, и они должны были служить на два года больше, чтобы «выйти на волю и уехать на Большую землю».

– Эй, товарищ Мокин! А что, немки добрее русских девчат? – Прозрачные глаза Дубина вдруг обрели некоторую окраску и живой огонек сверкнул в их глубине.

– Погляди на него! Го-го-го! – Лицо Панова, обветренное сибирскими морозами, выдубленное снегом, дождями и солнцем, стало ярко красным. – Он хочет найти немецкую невесту, ха-ха-ха, – морковного цвета веснушки полностью исчезли с лица. – Я так думаю, что он не добрал вчера вечером.

– Да мы только разговаривали! – Дубин заметно смутился.

– Ага, прямо до самого солнышка! – Панов продолжал дразнить друга.

– Она занята. У нее есть парень... в армии, второго года службы, как мы, – Дубин повернулся к офицеру:

– Товарищ лейтенант, как думаете? Есть у них невесты для нас?

Мокин не ответил. Он внимательно глядел по сторонам, стараясь запомнить детали.

Прежде чем скрыться за поворотом, дорога, окаймленная густыми зарослями по краям, ныряла в низину. Здесь же брал начало овраг, уходящий вглубь леса и заполненный стоячей

водой. На разьеженной грязи сидели разноцветные бабочки, а среди высокой травы неспешно, словно в замедленной съемке, проплывали миниатюрные голубые стрекозы. Из придорожной бочажины торчала меланхоличная морда сонной лягушки. Изредка крупная стрекоза, посверкивая громадными фарами глаз, прорезала застоявшийся темно-зеленый воздух.

Сделав резкий поворот, дорога неожиданно выкатилась к красочному полю, заполненному ярким светом сияющего летнего дня. Телега остановилась, будто наткнулась на невидимую стену, разделяющую замкнутый мрак леса и открытое широкое пространство. Как по волшебству легкий ветерок сдул мошку и слепней. Солдаты вздохнули с облегчением и изумлением: опушка леса обрамляла просторный луг, покрытый белыми зонтиками цветущего трубочника. Гигантские белые соцветия, образуя основной фон, перемешивались с множеством других ярких пятен: розовыми – диких пионов и шиповника, голубыми – колокольчиков, бело-желтыми – ромашек с золотыми сердечками и сиреневыми шариками клевера. Мохнатые черно-оранжевые шмели, металлические жуки-бронзовки, экзотически раскрашенные бабочки и мухи, сидящие на цветах, дополняли этот диковинный колорит. Иногда то или иное насекомое отрывалось от мозаики, взлетало в воздух и, пролетев небольшое расстояние, приземлялось на другой цветок только лишь для того, чтобы изменить цветовую композицию громадного калей доскопа.

Большоголовые стройные подсолнухи и пара крыш с каменно-глиняными трубами виднелись за этим многоцветьем... Острые углы строений поверх высокой растительности казались причудливым и нереальным миражом, плывущим над раскинувшимся живописным ковром.

Это была деревня, немецкая деревня, выросшая на пустом месте.

– Вот твари! – удивление и недоверие смешались в голосе Мокина, – я был уверен, что они сдохнут здесь в первую же зиму...

– Вот это да! – Панов стянул с себя мокрую гимнастерку, и Дубин тут же последовал его примеру. Худые обнаженные их тела, безжизненно бледные, как у гигантских фарфоровых кукол или манекенов, с непропорционально большими темно-коричневыми руками и лицами, выглядели так, будто кто-то взял детали нескольких человеческих фигур и, как бы в шутку или по неряшливости, соединил как придется, не обращая внимания на цвет и размер.

– Эй, вы! – Мокин строго посмотрел на подчиненных, как на расшалившихся детей. – Рядовые Панов и Дубин, сми-и-р-р-рна! Мы направляемся в лагерь врагов, беспощадных врагов нашего народа... Вам ясно, р-р-р-рядовые Панов и Дубин? Все должно быть строго по уставу, как и положено. Зар-р-р-рубите себе на носу, это вам не дом отдыха.

Парни, недовольно ворча, натянули вонючие пропотевшие гимнастерки и закинули ружья на плечи.

– То-то же... – процедил Мокин сквозь зубы и подбодрил кобылу, слегка дернув поводья.

Они пересекли луг и приблизились к деревне, выстроенной вдоль единственной улицы, проезжая часть которой выглядела как красочная гигантская мозаика, аккуратно выложенная большими, янтарного цвета дисками с перемежающимися оттенками желтого и зеленого между ними.

Мокин присел на корточки и потрогал искусно выровненные толстые плашки-срезы стволов деревьев, утрамбованные в землю вместе с речным гравием и песком, сквозь которые проросла молодая трава.

– Красота! – Дубин присвистнул и тоже коснулся поверхности пластины, как ребенок боящийся, что чудо вдруг может исчезнуть.

Два ряда высоких желтолицых подсолнухов с большими сочными темно-зелеными листьями обрамляли проезжую часть. Несколько домов-бараков, аккуратно собранных из ошкуренных до блеска сосновых бревен стояли вдоль улицы. Пара незавершенных срубов из свежоошкуренных стволов, в своей гладкой наготе походивших на человеческие тела, дополняла

картину. Жилища были поставлены на высокие основания из массивных, слепленных глиной речных булыг и напоминали крепости, возведенные на долгие годы.

– Черт бы их взял, этих фашистов, – Мокин увидел шумную компанию ребятишек, сопровождаемую сворой собак со щенками, за которой следовали несколько мужчин и женщин. Почувствовав исходящую от незваных гостей опасность, они остановились на расстоянии. Даже маленькие дети поняли, что неожиданные гости несут угрозу их отгороженному от больших бед мирку, и спрятались за юбками матерей. Две группы стояли молча друг против друга.

– Мне нужен Вальтер Бош, – нарушил тяжелое молчание Мокин, и его рука как бы случайно скользнула к кобуре. – Это определенно не Каменный Ручей, – проворчал он сквозь зубы и оглянулся назад. Солдаты щелкнули затворами. Один из поселенцев молча повернулся и направился в сторону деревни. Вскоре возле дальнего сруба послышалась гортанная речь.

– Фашисты остаются фашистами, – сказал Мокин негромко, так, что только солдаты могли его слышать, – они до сих пор не говорят по-русски!

Поселенец вернулся не один. С ним был высокий, широкоплечий человек с сильными мускулистыми руками, привыкшими к тяжелой работе.

– Эй, Бош, как дела?

– Слава Бог! Еще жив, – ответил Вальтер Бош, практически не шевеля губами и не сводя глаз с лица Мокина. – Вы потерял свой путь в лес, гражданин офицер, что привел сюда?

– Мне приказано забрать тебя и Фишера в Центральный ИТЛ. Еврей еще жив?

Бош перевел жителям деревни слова Мокина. Послышался сдержанный стон.

Серые глаза Боша холодно потемнели: – Да, Фишер есть.

– Так веди его. Мы должны ехать обратно!

– Он в лес, с детьми. Он будут здесь до захода солнца. Вы должны ждать, – немец смотрел прямо в глаза Мокину.

– Мы не можем остаться здесь. Мы должны вернуться, – Мокин махнул рукой в том направлении, откуда они пришли.

– Я жалею, что не так, – произнес Бош после короткой паузы спокойным, без малейших эмоций голосом.

Трудно было понять, о чем он сожалеет: о том ли, что Мокин должен уходить, о том, что должен ждать, или о том, что тот вообще появился в их деревне.

– Да, ты должен жалеть, Бош, – Мокин вызывающе посмотрел на Боша и увидел в его глазах плохо скрываемую ненависть. Ту же ненависть, но смешанную со страхом, он видел в глазах других поселенцев. – Ты должен жалеть, потому что вы все – сволочи! – он приблизился к Вальтеру и протянул руку, как будто хотел схватить его за ухо, но в самый последний момент передумал и просто тяжело опустил ее на плечо Боша.

При других обстоятельствах Мокин непременно поставил бы этого немца на колени, но сейчас решил поступить иначе.

– Мы останемся здесь, *заклученный* Бош, – Мокин произнес «заклученный» с легкой улыбкой. – Я думаю, у тебя нет другого выбора, кроме как быть гостеприимным, – он оглянулся на высокие облака, освещенные снизу заходящим солнцем.

Был уже вечер. Инструкция запрещала охранникам передвигаться ночью по лесу, особенно с заключенными, находящимися под стражей.

Мокин был рад остаться на ночь в немецкой деревне, хотя чувствовал себя почти на вражеской территории. Конечно, можно было нарушить инструкцию и вернуться в тот же дом в Каменном Ручье, где они провели минувшую ночь. Но он был полон шумных, грязных и сопливых детей. Николай, хозяин дома, был в лучшем случае только наполовину трезвым, а его беременная жена надоедливо жаловалась Мокину на свою тяжелую, полуголодную жизнь, как будто Мокин был лично ответственен за ее жалкое существование. Крыша на сеновале,

где спали солдаты, была с большими прорехами. Мокин без особого энтузиазма смотрел на то, чтобы провести там еще одну ночь.

– Где лошадь поставить, а нам самим где остановиться? – Мокин выдавил улыбку.

– Есть сарай. Вы идти за мной, – Вальтер повернулся к нему спиной и пошел вдоль улицы.

Полукруг колонистов разомкнулся, и под drobный стук колес, отдающийся громким эхом в напряженной тишине, солдаты двинулись вслед за Бошем к месту ночлега.

* * *

Колонисты помнили этого офицера очень хорошо.

То, как они очутились здесь, продолжало жечь их память, несмотря на то, что прошло четыре с лишним года.

Старая, кряхтящая, как древняя старуха, баржа медленно тащи́лась вниз по свинцовой реке вдоль берегов, заросших глухой тайгой. Более двух тысяч спецпоселенцев – депортированных поволжских немцев: мужчин, женщин, стариков и детей – плыли на этой развалюхе несколько дней, только однажды остановившись возле какой-то деревни, враждебно смотрящей слепыми окнами кривых, вбитых в землю по самые крыши бревенчатых домов.

Заклученным не разрешалось покидать плавучую тюрьму. Мокрые, продрогишие до костей от дождей и промозглого речного тумана, давно не имевшие во рту крошки хлеба, люди сбились в кучу, с ревнивой жадностью следя за сошедшими на землю солдатами, которые ходили по деревне в поисках провизии. Деревенские ребяташки на берегу с недобрый любопытством рассматривали похожую на стадо одичавших животных толпу, а затем стали кидать на палубу вареные и сырые картофелины и свеклу. Не по-детски злорадно они наблюдали, как оголодавшие люди хватали немудрящую еду, отталкивая друг друга, давясь, запихивали подачку в рот.

Солдаты вернулись, и баржа двинулась дальше. Казалось, что этому путешествию не будет конца, но вот утлая посудина вычертила широкую дугу, пересекла реку и уткнулась в пустынный берег. Офицер выкрикнул имена более тридцати семей и приказал им сойти на землю. Последним в списке он назвал имя старого бородатого человека, который казался чужим среди всех остальных – он ни с кем не разговаривал и всю поездку либо молча смотрел на воду, которая терлась о бока баржи, либо дремал, прислонившись к борту. Дважды в день старик молился, покрыв голову грязной, когда-то белой шелковой шалью с голубыми полосками по краям и завязанными по углам кистями.

Офицер упруго прошел по шатким доскам, переброшенным с баржи на берег.

Люди последовали за ним со своим барахлом, баулами, мешками, чемоданами, ящиками...

Два солдата-охранника замыкали группу.

Заклученные растерянно оглядывались вокруг, пытаясь понять, почему их высадили здесь. Ничто не указывало на какое-либо присутствие человеческой деятельности: густая нетронутая растительность покрывала берег, оставляя лишь небольшую полоску мокрой гальки у самой кромки воды. Высокий угрюмый лес притирал людей к реке, подкатывающей холодные воды почти к ногам заклученных, к их скарбу, сваленному в кучу. Промозглый северный ветер, пробирающийся насквозь и без того продрогиших людей, хозяйничал единовластно.

Офицер оглядел сошедших на берег. Пересчитав их, худых, измученных и растерянных, будто ожидающих казни, расправил плечи. Он был молод, хорошо сложен, со здоровым румяным лицом.

– Слушайте меня и слушайте хорошо! – офицер возвысил голос. Маленькие клубы пара взрывались у его рта с каждым словом. – Кто не знает, меня зовут Василий Мокин. Я ответ-

ственный за расселение вас на этом участке реки, – он широким жестом указал на тайгу. – Это будет вашим местом – станок, как мы называем – здесь вы будете жить.

Сдержанный ропот послышался из толпы.

Офицер приблизился к группе. Испуганные глаза следили за его руками, ожидая, что он вот-вот выхватит пистолет из кобуры и начнет стрелять. Заключенные в страхе опускали глаза, встречая жесткий взгляд этого человека, как будто были виновны в том, чего и сами не знали. Офицер остановил взгляд на лице одинокого бородатого мужчины. Старик смотрел на Мокина, пытаясь понять, что офицер хочет от него.

Мокин находился со спецпоселенцами во время всего пути от пересыльного лагеря под Красноярском. После загрузки на баржу, он несколько раз перегнал их с одного конца баржи на другой, и, убедившись, что все, включая младенцев, в наличии, отдал приказ отчаливать. В течение всего пути люди не получали никакой еды, кроме воды из реки, куска хлеба и вареной полугнилой картофелины. Помимо этого, одна из женщин оставалась с ним на ночь в его каютке. Рано утром она покидала каютку, стараясь незаметно пробраться к своей группе. Заключенные понимающе отводили глаза от несчастной, и только семья бросалась утешать ее, укрывая в своем закутке.

Сошедшие с баржи не понимали почему они здесь...

– Радуйтесь, вы не будете убиты! Вам понятно, что я сказал? – офицер перевел взгляд, буравя им толпу и выискивая кого-то. Он еще раз взглянул на список имен. – Заключенный Вальтер Бош, вперед!

Мужчина средних лет со светлыми, прямыми волосами, тяжелым лицом и длинными узловатыми руками крестьянина вышел из центра толпы.

– Хорошо! – одобрил свой выбор Мокин. – Теперь слушай меня, Бош. С этого момента ты здесь хозяин, – офицер повернулся ко всей группе, – и вы все не заключенные, а поселенцы. Он – ваш начальник, понятно? Переведи им Бош...

Поселенцы молча слушали Боша и только мягкий плеск реки нарушал наполненную страхом тишину.

– Гражданин офицер, как мы можем быть здесь? У нас женщины, дети и старики, – заключенный смотрел на Мокина. Немец говорил с заметным акцентом.

– Ты и твои люди сделают это место пригодным для жизни ваших семей.

– Как мы можем это делать? – акцент стал сильнее. – У нас нет инструментов. Мы не можем сделать это голыми руками. Это уже середина осени. У нас нет теплой одежды. Мы все будем умирать здесь.

– Вы посмотрите на него, посмотрите на это сукиного сына, – офицер повернулся к солдатам, стоявшим рядом, как будто ища у них поддержку – Слушай, ты, заключенный Бош, – офицер схватил мужчину за ухо и дернул с такой силой, что тонкий ручеек крови потек по щеке Боша. Бош сморщился от боли.

– Ты здесь не на прогулке, тля! Там – война! – Мокин указал на запад. – Вы все – немецкие предатели и шпионы, – он подошел к мальчику лет десяти и ткнул его в грудь: – И ты тоже, гаденыш, запомни это на всю свою проклятую жизнь, фашист!

Подросток покорно принял тычок, не сделал никакой попытки противиться жестокости офицера.

– Бош, переводи! Ваш фюрер фашист и ваши братья, фашисты, убивают наших солдат, разоряют деревни, насилюют женщин. Они бомбят наши города и села, сжигая поля с хлебом...

Было ясно, что Мокин демонстрировал свою власть и делал это с показным удовольствием.

– Думал, что вы приедете сюда, и все будет готово для вас? Вы хотите ковровую дорожку и избы пятиястенки с железной печкой? – он снова обратился к Бошу и был намеренно

груб, – Мне все равно, если мы найдем вас здесь всех мертвыми завтра или когда мы придем сюда в следующий раз. Ты понимаешь это, заключенный Бош? Ты понимаешь, тля? – Мокин прохаживался перед заключенными с высоко поднятой головой, изредка косясь на солдат. – Скажите «спасибо», что я не приказал моим солдатам расстрелять вас при попытке к бегству прямо сейчас... Кстати, если мы обнаружим, что кто-нибудь из вас сбежал, я отдам приказ пустить вас на мясо, и ты будешь первым, Бош. Переводи Бош! Когда наши люди придут вас проверять, покажи им каждого заключенного – живого или мертвого в могиле в соответствии со списком. Понятно, заключенный Бо-о-о-ш? – он еще сильнее рванул немца за ухо.

Вальтер Бош взглянул на баржу, напоминающую Ноев ковчег с десятком вооруженных солдат на палубе, на серое небо с низкими тяжелыми облаками, оглянулся на лес и две сотни души, которые вдруг стали его ответственностью. Среди них была его беременная жена. Он должен быть для нее опорой, кормильцем, но в этот момент был лишь жалким, растерявшимся и беспомощным свидетелем ее страданий. Как он может помочь ей и своим братьям? Покорно и обреченно она смотрела на него, безмолвно принимая всю тяжесть выпавшей на их долю беды.

– Да, это ясно, гражданин начальник, – произнес Бош, не глядя на Мокина.

– То-то же, Бо-о-о-ш, – он снисходительно похлопал его по плечу, – ваши друзья, – Мокин указал на баржу, – тоже будут организовывать свою жизнь. Мы должны двигаться. Вам разрешено строить здесь... ваше светлое будущее для вас и ваших детей, потому что наше правительство и лично товарищ Сталин, позаботились о вас, фашистах. Наш вождь дал вам три палатки, две лопаты, топор и пилу. Вам повезло, сучье отродье! Другие не получили и этого. А вам он дал два фунта гвоздей, мешок картошки и ведро ржи. Вы можете их съесть или развести здесь свой огород, тогда вы не умрете от голода. Понятно, Бош?

– Товарищ младший лейтенант – один из солдат отдал честь – разрешите обратиться. Он подошел к Мокину и что-то быстро сказал.

Мокин запнулся, грязно выругался и раздраженно спросил:

– Как так используем как харч? А этим гадам что? – И как будто решив что-то он пристально посмотрел на безмолвных людей и, артистично развернувшись на каблуках, направился к барже.

Охранники последовали за ним под аккомпанемент гальки, перекатывающейся под неровными тяжелыми шагами.

Усиливающийся дождь, переходя в ливень, все плотнее покрывал серой, тяжелой, как театральный занавес, пеленой людей, кучу хлама, и единственный символ человеческого бытия – плавающую тюрьму. Поляна как будто съезжилась под ливнем, и казалось, лес шагнул еще ближе к реке, толкая людей в воду, оставляя для них только узкую полоску земли.

Двое мужчин последовали за охранниками.

– Назад, суки! Мы будем стрелять! – приказ прозвучал, как удар кнута и остановил заключенных.

Баржа, отпрыгнув черный перегар копоти, тяжело оттолкнулась от берега и продолжила свой мрачный путь, для кого-то последний.

Оставшиеся на берегу со страхом наблюдали, как темный разрыв между ними и баржей становился все больше и больше. Они были свободны, но хотели убежать от этой страшной свободы, лишь бы не оставаться здесь одинокими, брошенными на погибель.

Ужас неминуемой смерти охватил их. Мертвая тишина повисла в воздухе.

Внезапно детский крик раздался из толпы – жалостный и печальный, как зов умирающей птицы. Женщины поддержали его сдавленным рыданием, перешедшим в раздирающий душу вопль. Вскоре на барже и на берегу причитали и плакали в один голос. Плавающая тюрьма удалялась все дальше и дальше, пока не скрылась за изгибом реки.

Теперь люди на берегу могли слышать только самих себя. Их плач напоминал смертельный вой животных, загнанных в ловушку и ожидающих неминуемого конца.

** * **

У них не было иного выбора, кроме как выжить.

Зима была совсем рядом. Иногда трудно было сказать, что моросит с неба – последний замороженный дождь или первый растаявший снег. Три гнилые палатки не могли вместить всех, поэтому поставили шалаши-курни, накрыли их пихтовым и еловым лапником, а землю застелили лиственницей. В середине курней развели костры – для тепла и так спасались от мошки да комарья.

Бош немедленно приказал рыть землянки – широкие плоские ямы около трех метров в глубину. Даже при желании рыть глубже, это было невозможно, Вечная мерзлота сцементировала землю, поэтому разводили костры, отогревая землю. После того, как она оттаивала и превращалась в болотную жижу, ее можно было копать. Но она была полна камней, больших и маленьких, занесенных сюда рекой, и увязанных многочисленными корнями деревьев. Поселенцы могли использовать только немного случайно оказавшихся у них топоров и ножей, чтобы вырезать деревянные лопаты и наколоть дров. После нескольких дней непомерной работы, лопаты приходили в негодность, и новые едва поспевали в соревновании на скорость с погодой и со временем.

Над ямой, как продолжение стены, ставили жерди. Крышу крыли в один слой из таких же жердей, укрепили лапником, застелили палаточным брезентом и всяким тряпьем, а сверху засыпали землей. Но после первого жилища, как поселенцы называли свое жалкое строение, они построили и второе, и третье. До наступления морозов почти все уже спали под крышей.

«Бог поможет, наши постройки выдержат одну зиму, а там будем строить что-нибудь по-лучше» – с надеждой говорил Бош.

Последняя землянка оказалась самой трудной.

В центре площадки, где пытались обосноваться брошенные на произвол судьбы люди, лежал огромный валун. Эта булыга была самой крупной среди всех, которые они уже выкопали – отшлифованная дождями и ветрами, она имела почти сферическую, идеально круглую со всех сторон форму. Кто-то сказал, что валун может быть памятником их первой зиме, но камень лежал на том месте, где должна была быть их последняя землянка, поэтому, по совету Боша, валун решено было сдвинуть немного в сторону и закопать в грунт.

Все взрослые и дети взялись за лопаты, и довольно скоро была вырыта большая яма, оставалось только столкнуть в нее эту каменную махину, но у истощенных, измученных людей не было сил сдвинуть камень. После долгих мучительных стараний, глыба все же подалась. Под ней открылась черная щель, похожая на гигантский беззубый рот, смеющийся над измученными, вымокшими до последней нитки и едва державшимися на ногах от истощения людьми. Деревянные лопаты, подсунутые под камень как подпорки, не могли удержать его громадного веса. Невысокий худенький паренек подбежал с двумя большими камнями и попытался подтолкнуть их под валун, чтобы укрепить зазор. Но камни упали слишком далеко от щели. Пацан быстро скользнул на животе между взрослыми и задвинул оба камня в щель под валун. В то же мгновение одна из лопат надломилась, валун медленно откатился назад прямо на руки ребенка. Пронзительно, отчаянно мальчик закричал, рванулся и освободил одну руку из неожиданной смертоносной ловушки. Рука была оцарапана, вся в грязи и крови, другая же застряла намертво.

Все бросились к камню, пытаясь удержать на весу, но тот продолжал скользить в свое належенное место, где он провел тысячи лет. Медленно и неотвратно валун перекатился на плечи мальчика.

– *Ich will nicht sterben! Ich will nicht...* (Я не хочу умирать! Я не хочу...) – крик прервался. Свободной рукой ребенок несколько раз слабо толкнул скользкую поверхность и, вздрогнув всем телом, замер.

Мальчишка был сиротой. Сначала из деревни, где они жили «энкэвэдэшиники» забрали отца и мать, затем взяли деда, обеих бабушек и сестру. Старики не пережили высылки в Сибирь. Никто не слышал о его родителях, и только старшая сестра оставалась вместе с ним.

Рев и проклятия огласили окрестности, достигли, казалось, и мутного неба. Но низкое и равнодушное небо не откликнулось на людские мольбы и боль. В отчаянии и гнев люди бросились рыть землю лопатами, руками и палками. Они рыли весь день и всю ночь, не прекращая эту страшную работу ни на минуту. Утром глубокая яма зияла возле валуна.

– *Dies ist das Grab für Sie, Mokin!* (Это могила для тебя, Мокин!) – Вальтер Бош плюнул в яму.

Несколько пар рук раскачали валун, и он сполз на свое новое место.

– *Das ist der Stein auf dem Grab, den Mörder! Sie für immer verflucht sein, und Sie und Ihre Kinder, so dass Sie nie wieder hier! Und ja, man wird keinen Frieden haben, weder hier noch anderswo im Land!* (Это камень на твоей могиле, убийца! Чтоб ты был проклят навеки, и ты, и дети твои, чтоб ты никогда не вернулся в свой дом! И да не будет тебе покоя ни здесь, ни в каком другом месте!)

Это была первая смерть среди поселенцев.

Первая могила в деревне.

* * *

Снег сыпал на людей и в неширокую мелкую яму, на дне которой лежал маленький гроб из горбыля. Сестра мальчика беззвучно плакала. Ее утешали несколько женщин. Вальтер Бош пытался вспомнить молитву, которую полагалось читать в такой момент. Но он был партийный, молитвы не знал ни одной, оглянулся в поисках поддержки, хотя хорошо знал, что среди поселенцев нет ни одного священника.

Седовласый человек в лапсердаке и вязаной ермолке на голове сделал шаг к Вальтеру и что-то сказал ему.

– *Er wird sagen, ein Gebet* (Он будет читать молитву), – Вальтер встал позади старика.

Никто не знал наверняка, почему этот странный еврей оказался среди поселенцев: он мало подходил для тяжелой физической работы и, тем не менее, нашел свой путь, чтобы помочь им. Кто-то показал ему, как вязать петли-ловушки, и он научился этому. Каждый день с раннего утра реб Фишер, как все называли его, отправлялся в лес, ставил и проверял силки вместе с ребятами, которые хвостиком следовали за ним. Лес вокруг деревни был полон дичи, и они почти каждый день возвращались домой либо с зайцами и рябчиками, изредка попадающимися в силки, но непременно с грибами, единственным постоянным источником так необходимого для поселенцев белка. Дети сушили грибы прямо на валунах около реки, ревниво следя за тем, чтобы их не стащили бурундуки или не намочил дождь.

Старик внимательно посмотрел вокруг, как бы проверяя, все ли готовы, и начал бормотать молитву. Незнакомые певучие слова плавно сливались в успокаивающий рецитатив. Кисея падающего снега, как на негативе, контрастно вычернила на фоне темного леса угловатую, ритмично покачивающуюся взад-вперед фигуру старика. Не понимая языка, но чувствуя искреннюю скорбь в словах молитвы, поселенцы в едином выдохе повторили «аминь», разобрав единственно известное им слово. Реб Фишер закончил молитву и бросил на гроб горсть земли. Все последовали его примеру.

Когда мужчины уже взялись за лопаты, старик подошел к краю могилы, неожиданно для всех, опустившись на колени, положил возле гроба старую консервную банку и, не глядя ни на кого, присыпал ее землей. Вальтер подошел ближе, чтобы увидеть, что он делает, но реб Фишер протянул ему руку, и Вальтеру ничего не оставалось, как только помочь старику встать. На быстро выросшем над могилой холмике установили крест с прибитой к нему щепой, на которой было вырезано имя мальчишки и короткие годы, прожитые им.

Зима подпирала. Последнее жилище заканчивали в спешке. Ходить в лес и рубить жерди было уже практически невозможно, поэтому хижину покрыли лишь тонкими ветвями, полужив на них одну из старых палаток, а поверх парусины набросали для укрепления немного грязи. Все делалось наспех, в попытке обогнать наступающие морозы.

* * *

Мокин шел по деревне, построенной людьми, которых он оставил здесь умирать. Он знал, что никому не придет в голову нанести вред ему или его солдатам. Если что-то случилось бы с ними, все поселенцы без следствия были бы отправлены в лагеря на общие работы или приговорены к расстрелу. Солдаты кожей ощущали разлитую в воздухе ненависть и держали винтовки наготове.

Мокин похлопал кобылу по крутому заду:

– Не дрейфь, старуха, ничего не случится, они даже тебя покормят... Ты являешься государственной собственностью, – обратился он к лошади, зыряка глазами по сторонам – а повреждение государственного имущества наказывается сурово, до десяти лет каторжных работ в лагере. – Мокин перевел взгляд на поселенцев.

Как бы поняв сказанное, те понемногу отступили назад.

– Видишь, Бош, все получилось хорошо для вас, – Мокин улыбнулся, – даже все ваши бабы беременны!

– Это не ваш кредит, гражданин офицер, – обрезал разговор Бош.

* * *

Через пару недель после смерти мальчика село накрыл настоящий холод и вязкая, как машинное масло, шуга уже шелестела у шершавого берега и между обкатанными гольшиами.

Небольшая, возникшая ниоткуда, металлическая плоскодонка пробилась сквозь ледяное крошево, и два бородатых мужика ступили на берег. Их одежда состояла из потерявших цвет телогреек и прожженных, залатанных во многих местах итанов. На ногах у них были густо смазанные дегтем сапоги. С большими ножами у пояса, они походили на уголовников или бандитов, с которыми поселенцы не раз сталкивались на пересыльных пунктах. За ними выскочила сибирская лайка на сносях.

Поселенцы стояли в напряженном молчании, держа колья и лопаты наперевес.

Мужчины, оказавшиеся геологами, возвращавшимися с полевых работ на их главную базу в Красноярске, подошли ближе, приветливо улыбаясь. Они пробыли в деревне всего пару часов, согрелись горячим чаем, заваренным на сухом листе черной смородины. Это было единственное угощение, которое поселенцы могли предложить неожиданным гостям.

Гости оставили в подарок поселенцам почти новый топор, две металлических лопаты, стальной нож и попросили позаботиться об их собаке.

– Она приучена к лесу и будет охотиться на бурундуков и мышей. Да и детишкам с ней веселей, – один из гостей объяснил Вальтеру, что они не могут взять собаку с собой в город. – Для нее будет лучше остаться с вами, вы хорошие люди. Когда мы поедem обратно весной следующего года, мы ее заберем у вас.

– У нас нет никакого оружия для охоты, – один из поселенцев с завистью и надеждой смотрел на их двустволки.

– Мы не можем оставить вам даже одно, – извинился геолог, – они зарегистрированы.

– Недалеко от вас есть деревня Каменный Ручей, она примерно в двадцати километрах вверх по реке. Староверы живут там, – сообщили геологи. – Вы должны сходить к ним. Они добрые люди, как и вы. Небогатые, но могут помочь.

Когда последняя землянка была, наконец, построена, Вальтер Бош с небольшой группой поселенцев отправился в деревню Каменный Ручей. Вернувшись через несколько дней, они принесли с собой небольшой мешок соли, шесть коробок спичек, старые керосиновые лампы, банку керосина, немного зерна, картошки, вяленой оленины, медвежатины и рыбы, ржаных сухарей, заплесневелых, но все еще съедобных, старые гвозди, два рыболовных крючка, тупые, без ручек долото и отвертку (это было настоящее богатство), которым поделились с ними в русской деревне.

У поселенцев появилась надежда, и впервые за долгое время они устроили праздник.

А спустя несколько дней, когда толстый слой льда уже покрыл реку почти до середины, в поселении появились двое доселе невиданных людей.

Поднимая клубы снега и ловко маневрируя между деревьев и кустарников, незваные гости лихо въехали прямо в центр поселка. Это были местные охотники-тунгусы. Они остановились, опираясь на длинные шесты, поверху украшенными цветастыми ленточками, а внизу заканчивающимися небольшими лодочками, вырезанными из корневой части дерева, и их тут же окружили поселенцы.

– Здравствуйте, однако! – темные зрачки дружелюбно светились сквозь щелки глаз на плоских, расплывшихся в улыбках лицах. – По-русски они говорили очень плохо и вставляли слово «однако» в нужных и ненужных местах. Они источали безудержную радость встречи, крепко пожимали руки всем: и взрослым, и детям. Делали они это с легким поклоном, слова выговаривали тихо, а на Вальтера смотрели с нескрываемым восхищением, дивясь его высокому росту.

Мальчишки с восторгом рассматривали экзотических пришельцев, пытались потрогать их диковинную одежду, расшитую бусинами и костяными безделками.

Охотники были невысокого роста, одеты в меховые штаны и куртки. Трехклинные, обшитые мехом шапки, похожие на детский капор, плотно закрывали лоб, уши и затылок. Ручкавицы были также меховыми. Ноги обуты в мягкие торбасы с меховыми же чулками. Даже недлинные широкие лыжи были подбиты шкурами с коротким и жестким мехом. Гости пытели длинными деревянными трубками, предлагая их в знак дружбы хозяевам – мужчинам и женщинам. Растегнутые верхние куртки открывали свободные сорочки, вышитые разноцветными нитями, украшенные плетеными шнурками. Сагда и Дойту, так они представились, весело и заразительно смеялись, будто рассказали ужасно смешную историю.

Охотники спешили – зимний день короток, но согласились выпить горячего чая.

Сагда рассказал Вальтеру о бревенчатых домиках, в которых останавливались местные охотники, когда травили соболя, норку и выдру. Он ловко выстрегал маленькую дощечку и ножом нацарапал на ней карту.

– Здесь был старый ружье, однако, – ткнул ножом около точки и объяснил Вальтеру, как мог, где это ружье спрятано.

Дойту во время разговора осторожно, как будто они были сделаны из хрупкого стекла, положил на стол несколько крупных желтоватых кристаллов. Это оказались куски колотого сахара. Дети, загипнотизированные невиданным доселе лакомством, смотрели на чудо, не отрывая глаз. Дойту взял один кусок и аккуратно расколол ножом на две половинки, затем разделил еще на две, а потом еще и после этого с улыбкой подал каждому ребенку крошечный

сладкий кусочек. Глазники детей возбужденно загорелись, они схватили драгоценные подарки и выбежали из хижины. Оставшийся сахар Вальтер аккуратно сложил в жестяную коробку.

Оставив немного чая, соли и пару патронов, охотники тепло распрощались с поселенцами и с последним «однако» пропали в завалах снега.

* * *

Вальтер остановился на краю выстроенной деревни, почти у самого леса.

– Это место, – он указал на большой сарай на четырех толстых деревянных сваях. – Вы можете оставаться здесь, гражданин начальник. Человек принесет пищу и будет заботиться о вашей лошади.

– Не беспокойся о лошади. Мы позаботимся о ней сами, – Мокин резко оборвал Боша.

Вальтер не ожидал благодарности от этих людей. Он повернулся и пошел назад в деревню.

Амбар представлял собой просторный бревенчатый сруб с двускатной крышей, проемом без двери открывающимся на реку. Приятный свежий ветерок проникал под конек и выдувал всех насекомых. Внутри сарая царил полумрак и пахло свежескошенным сеном, лежащим в углу.

– Здорово! – Мокин рухнул на сено во весь рост, зарываясь лицом в плывущий аромат недавнего сенокоса, впитывая всем существом дурманящий запах полевых трав. Затем перевернулся на спину и, глядя в потолок, довольно потянулся: – Настоящий рай!..

– Эти фашисты не предложили нам остановиться в своих домах, – Панов не разделял энтузиазма начальника. Он снял сапоги, и сильный запах давно не мытых ног заполнил сарай.

– Эй, Панов! Ты что, омудел? Катись отсюда со своими вонючими портянками, – Дубин схватил сапог и швырнул со злостью в товарища.

– Заткнись, Дубина! – Панов огрызнулся, но отошел к двери и сел на пороге.

– Мы не можем спать в доме нашего врага. Это вам должно быть понятно, рядовые Панов и Дубин, – внимание Мокина привлекло движение под крышей сарая. Три черные головки с желтыми клювиками торчали из щелки.

– *Ласточки*, – с нежностью подумал Мокин.

– Это уж точно, что они наши враги! Но вы знаете, товарищ Мокин, я подумал, что, может быть, их женщины одиноки и нуждаются в любви и ласке настоящего советского солдата, – Дубин лежал на сене, закинув руки за голову, покусывая сочную травинку.

– Дубин, ты заметил, что все их бабы или с грудными детьми, или брюхатые. Они размножаются здесь, как тараканы. Они не одиноки, вот кобыла наша одинока, – незлобно посмеиваясь, Панов кивнул в сторону лошади.

– Может быть, в Каменном Ручье, на обратном пути, – миролюбиво закончил Дубин, улыбаясь своей радости.

Теплая ночь неожиданно и мягко опустилась на поселок, как будто кто-то набросил, обугленно-черное, протертое до дыр покрывало, через многочисленные прорехи которого голубовато сияли яркие звезды. Ровный и сильный свет пепельной Луны выхватывал из темноты прибрежные кусты и пространство перед амбаром, оставляя нетронутой тьму под сараем, в его углах и где-то там, высоко под крышей.

Было тихо и спокойно и только пара прибрежных коростелей перекликались между собой. Трое мужчин сидели в проеме сарая. Небольшой костер горел перед ними, отпугивая насекомых, которые становились все смелее в безветренный теплый вечер.

– Вот и наш ужин, – Мокин, показал на светлячка, который, увеличиваясь, двигался по прямой из деревни к сараю.

Два человека материализовались из темноты. Один нес керосиновую лампу, а другой небольшую корзину из ивовых прутьев. Они поставили корзину на камень у костра и молча, как лесные духи, растворились в темноте.

– Посмотрим, что там, – Дубин легко спрыгнул с платформы и направился к корзине, опередив Мокина и Панова, спрыгнувших следом.

– М-м-м, как пахнет! – Панов передал офицеру половину буханки домашнего хлеба. – Картошка и рыба, – он достал еще теплый картофель и три увесистых куска вяленой рыбы.

– Черемша!

Большой пучок свежей черемши передавался из рук в руки. Хрустящие, мясистые и сочные стебли мгновенно исчезли в жерновах зубов, истосковавшихся по витаминам.

– Смотри, постное масло. Гады, могли бы и побольше налить, – Панов закончил обследование корзины. – Да, у этих фашистов не растолстеешь...

– А что, у Рябова было лучше?

– Да все они, как жида...

– Не бузи, Панов, лагерной баланды захотел? – Мокин направился в темноту. – Без меня не жрать. Я скоро вернусь.

– Куда это он пошел? – Панов с сожалением отодвинул плетенку.

– Откуда я должен знать, он мне не докладывает...

– Могу поспорить, что поискать бабенку, – хихикнул Панов, – давай рубать!

– Отлезь! – отрезал Дубин. – Он сказал ждать, значит, будем ждать.

* * *

Вальтер Бош стоял посередине улицы, ожидая Мокина, словно точно знал, что тот придет говорить с ним.

– Все идет не так уж плохо для тебя и твоих людей, Бош.

– Слава Богу, – ответ был коротким.

– *Енде гуд – аллес гуд*. Что было бы, если бы вас послали на рудники, а?

– Это то, что все говорят, – Бош аккуратно укладывал табак в сухой лист малины.

– Твой табак? – Мокин достал четвертушку бумаги из нагрудного кармана, не сомневаясь, что Вальтер поделится с ним. – На, возьми – предложил он бумагу немцу.

– Да, я растил его сам... – Бош осторожно принял подарок.

Спичка пропылала жарко и мгновенно, но Мокин заметил, что рука Боша дрожала, когда тот прикуривал ее от предложенного огня.

Он ухмыльнулся и отвернулся, глядя в сторону реки. Там, в вышине, сияли яркие и невероятно близкие звезды.

– *А ночи здесь такие мирные...* – Мокин глубоко вздохнул всей грудью. – У меня есть хорошие новости для тебя, Бош. Я возьму только вашего еврея. Ты останешься здесь, – он шумно затянулся дымом, выдерживая паузу, – если пришьешь мне свою жену, а в лагере я скажу, что ты был болен или совру что-нибудь другое.

Мокин услышал в темноте глубокой вздох, как будто крупное животное нырнуло в воду.

– Вы не можете сделать это, гражданин офицер. У нас уже было наше наказание за то, что мы не сделали. Вы не можете ободрать тот же кошка в два раза. Это не баржа. Это наш дом теперь.

– Это не наказание. Я просто думал немножко расслабиться. Я не собираюсь быть слишком грубым с ней, не волнуйся.

– Не делайте этого, гражданин офицер. Она беременна.

– О, поздравляю! – Мокин понял, что противник на коленях, новые усилия могут сломать его, а это испортило бы удовольствие, которое он уже получил.

– Расслабься, Бош. Это была шутка.

Долгая, тяжелая пауза повисла в воздухе.

Два светлячка светились в темноте, иногда высвечивая часть лица или руки.

– Я думаю, что мы должны отпраздновать рождение твоего будущего ребенка. Не так ли, Бош? – он толкнул Боша в плечо. Мокин испытывал необъяснимое наслаждение чувствовать превосходство над этим человеком – *Было бы еще лучше показать это всей деревне...*

Не ответив, Вальтер Бош развернулся и ушел. Он вернулся вскоре с банкой, наполовину заполненной жидкостью.

– Фишер есть хороший учитель, и нашим детям будет не хватать его. Разрешите ему остаться.

– Нет, Бош. Это приказ. Нам нужен бухгалтер там, в лагере, а не учитель здесь. И не сердись на меня, Бош, я делаю то, что должен делать. Я солдат и выполняю приказ, – Мокин бережно прижал банку с драгоценной жидкостью. – Ты мне вот что скажи, Бош, – Мокин дышал в ухо Боша, как будто боялся, что кто-то их услышит, – что именно старый еврей положил в могилу пацана, а?

Бош вздрогнул, словно его ударило током. – *Как он узнал об этом? Кто мог донести: кто-то из живых или один из умерших?*

– Что молчишь, Бош? Хочешь, чтобы я потащил тебя, как суку, на допрос?

– Я не знаю.

– Врешь, гад! Ты и твой еврей-шпиен сховали что-то. Что?

– Я не знаю. Вы можете открыть могилу...

– Ты что, считаешь меня идиотом? – продолжал он шипеть в ухо немца. – Да там ничего нет. Вы уже двадцать раз перепрятали эту банку. Что там было?

– Я не знаю... Он не шпион.

– А я знаю наверняка, что он немецкий шпиен... Я узнаю... Мы узнаем... У нас есть методы, – Мокин повернулся и направился к амбару.

– Он очень старый и больной. Позвольте ему умереть здесь. Мы будем заботиться о нем, – и после короткой паузы Вальтер закончил с дрожью в голосе: – Вы уже сделали с ним все, что вы хотели, гражданин Мокин. Это самое лучшее, что вы могли бы сделать для него сейчас.

Мокин остановился и обернулся: – Мне не нравится это, Бош! Почему-то я всегда чувствую ржавый гвоздь в заднице, когда ты говоришь со мной. Ты должен быть добрым ко мне. Мы почти родственники. Не так ли, своячок? – усмехнулся он.

Мокин вернулся в сарай с банкой мутноватой жидкости.

– Товарищ Мокин, вы – герой! Самогон или брага?

– Самогон...

– Как вы это сделали, товарищ Мокин?

– Есть способ. Он все еще боится меня, фашист, – торжество заслуженной победы звучало в голосе.

Самогон вскружил и немного одурманил молодые головы. Солдаты быстро заснули после еды, сладко почмокивая во сне, как два счастливых мальчика после долгого, наполненного событиями дня.

– *Молокососы*, – усевшись подумал Мокин, – *с вас сдерут не одну шкуру, прежде чем вы узнаете людей, как знаю их я.*

Горький и кислый табак першил горло. Мокин в полудреме прислушался к звукам ночи. Невдалеке от амбара слышалось неспешное, с копыта на копыто перетапыванье лошади и то, как она хрумкает сочную луговую траву. Где-то внутри бревен, над его головой, жук ритмично подтачивал дерево, прорывая тоннель на свободу. Громкий звук льющейся воды вдруг нарушил тишину, и резкий, едкий запах лошадиной мочи защекотал Мокину ноздри. Звуки и запахи детства, знакомые и мирные... Они были из его другой жизни, из той, которую Мокин

покинул много лет назад, уйдя в армию. Самодельное варево разбудило в нем сладкую грусть воспоминаний. Он не заметил, как заснул.

* * *

Рано утром Мокин и его солдаты стояли на краю деревни в тени подсолнухов на дороге, ведущей к Каменному Ручью и далее в ИТЛ. Новый день встретил их свежестью и многоголовьем птиц невидимых в кронах деревьев. Яркое безоблачное небо и обильная роса на траве обещали еще один изнуряюще жаркий день.

Мокин откровенно наслаждался красками и прохладой утра.

Все здесь ему нравилось и все раздражало. Самолюбие Мокина не могло смириться с поражением, нанесенным ему горсткой отчаянных людей, которых он оставил здесь пять лет назад, уверенный, что они не протянут и месяца. Красивая, чистая, основательно выстроенная деревня словно смеялась ему в лицо.

– С моей подачи начался этот станок... – Мокин со смешанным чувством следил за пчелами, роящимися над крупными ярко-желтыми, красными, рыжими, оранжевыми головами подсолнухов. – Вот ведь настырная немчура, даже улы завели... – вкус давно забытой сладости зацекотал небо и переполнил рот слюной. Он процедил собравшуюся влагу между зубами и тонкой струей лихо отстрелил ее на землю.

Несмотря на ранний час, почти все жители поселка собрались вокруг телеги и настороженных конвоиров, исподлобья наблюдающих за ними. Все поселенцы выглядели похожими – широколицые, светлоглазые и светловолосые. Но один старик выделялся из толпы своим благообразным видом: седобородый, с худым библейским лицом, длинными сивыми, почти пепельными волосами под вязаной ермолкой, с высоким лбом, изрезанным сетью морщин, словно кора дуба, скрывающая годовые кольца. Глаза у него были темные, почти черные, странно моложавые, хотя пронизательный и мудрый взгляд говорил о том, что на долю этого человека выпало немало трудных дней. Дети старались оказаться поближе к нему, взять за руку или ухватиться за сюртук. Он ласково гладил светлые волосы ребятишек, тихо с улыбкой разговаривал с ними.

– Так где же немецкий шпион, товарищ Мокин?

– Вот он, – Мокин узнал его. – Этот еврей действительно имеет двойной набор кишок или особую причину, чтобы жить.

– Это и есть ваш знаменитый шпион, товарищ Мокин? – переспросил Дубин. – Он действительно выглядит убийцей. Вы только посмотрите на него, – в его словах сквозил неприкрытый сарказм.

Поселенцы окружили телегу. Старик глянул на солдат, кивнул, как бы приветствуя их, положил на телегу мешочек с пожитками и небольшую связку книг, перехваченную тесемкой.

– Пять лет назад он выглядел не лучше, чем сейчас, – буркнул Мокин.

Реб Фишер пристально смотрел на офицера, он тоже узнал его.

* * *

Это произошло недалеко от города Горького. Йозеф Фишер, раввин из Вильно, и его маленькая семья вместе с другими беженцами ждали паром, который должен был перевезти их в безопасное место на другой берег Волги. Однако, вместо ожидаемого парома, притарахтела большая моторная баржа, которая стала на прикол, не намереваясь двигаться куда-либо. Толстые канаты крепко удерживали ее у хлипкого причала, она смердела и вяло переваливалась с боку на бок, как прибитая к берегу туша давно издохшего и уже разлагающегося морского чудовища-гиганта.

Наступил вечер. Первая звезда высветилась на бледном небе, и Йозеф стал готовиться к «Маарив», ежедневной вечерней молитве у евреев. Он вынул из небольшой расшитой сумочки свои филактерии – два маленьких черных кожаных кубика с ремешками, талес и молитвенник. Его жена Ханна и сын Алекс, его маленькая гордость, устроились на небольшом шерстяном одеяле в нескольких метрах от него. Ханна спала, положив голову на согнутые руки, но и во сне охраняла покой и безопасность ребенка, который свернулся рядышком в клубок, как наигравшийся котенок. Линии их тел, плавные и мягкие, напоминали скульптуру, вырезанную рукой мастера из цельного куска темного мрамора. С любовью и грустью Йозеф смотрел на спящих жену и маленького сына.

Внезапно тяжелый утробный гул самолета донесся со стороны холмов, вклинился в спокойствие вечера. Йозеф увидел немецкий самолет прямо над ними, он шел так низко, что четко были видны черные кресты на крыльях и фюзеляже машины. Инстинктивно, прикрывая от смертельной опасности жену и сына, Йозеф набросил на них талес, но понял, что не в силах защитить эти два самых важных в его жизни существа. В отчаянии он простер руки поверх двух мирно покоящихся тел и прошептал:

– Шма, Израиль!

Самолет пролетел над людьми, в ужасе приникшими к земле, сделал один круг, затем второй и, заходя на третий, сбросил бомбу.

Бомба с проникающим под кожу воем упала в реку. Сотрясая землю, витой высокий столб воды и грязи метнулся к небу.

Ханна вскочила испуганная, не понимая со сна, где она и что происходит. Йозеф бросился к ним, заслонил собой жену и ребенка.

Самолет улетел так же неожиданно, как и появился.

Это было похоже на дурной сон – пришел и ушел.

Но страх не покидал людей, он волнами перекатывался по становящуюся, пока не стало понятно, что опасность миновала.

– Смотрите, сколько рыбы, – раздалось с берега.

Люди побежали к реке, они несмело ступали в воду, вы бирая всплывшую оглушенную рыбу. Застенчивые улыбки нежданно выпавшего счастья засветились на изможденных лицах беженцев.

Ханна вопросительно посмотрела на мужа.

Йозеф мягко улыбнулся: – Да, Ханна, как говорил отец, Барух ха-Шем! Бог заботится о нас. Сегодня у нас будет на ужин рыба!..

Ханна подхватила и побежала к реке.

Отгоревшее дымчатое солнце опустилось за холмы, но длинные темно-голубые тени еще скользили по земле. У множества маленьких костров, разбросанных по берегу, утомленные, но умиротворенные вечерним покоем беженцы негромко переговаривались между собой и со своими соседями. Не хотелось верить, что идет война, горят дома и поля, а люди убивают друг друга.

– Так мирно, Ханна...

– Да, Йосэлэ, так тихо.

Вдруг эта тишина, изредка прерываемая тихим смехом, отдельным словом или дребезжанием утвари, наполнилась гнетущим, тревожным беззвучием.

– Йосэлэ...

Ханна кивком головы указала в сторону. Подгоняемая вооруженными солдатами, через лагерь беженцев продвигалась большая группа людей: старики, женщины и дети. Даже в сумерках было видно, что они выбились из сил, и только шарканье ног свидетельствовало, что в этих несчастных оставалось еще немного жизни.

Один из охранников что-то крикнул, и вся колонна, как единый организм, рухнула на землю.

– Божже, кто эти бедные люди? – раввин встал и подошел ближе, чтобы лучше разглядеть их. На запыленных лицах с глубоко ввалившимися глазами отпечаталось выражение отчаяния и бесконечной усталости.

Йозеф услышал негромкий разговор двух пожилых мужчин. Он узнал язык, похожий на его родной мамелошен.

Стараясь, чтобы его не увидел охранник, Йозеф присел поблизости и шепотом обратился на идиш: – Вус гейст, ид? (Что происходит, еврей?)

– Мы не евреи. Мы российские немцы.

– Какие немцы? – недоуменно спросил раввин на идиш.

– Наши предки жили здесь со времен русской царицы Екатерины, – ответили те по-немецки, но Йозеф понял.

– Могу я спросить, а почему вы оказались здесь?

– Мы колонисты, – сказал негромко один из них, – всех наших мужчин взяли две недели назад. А теперь и нас. Мы идем шесть дней, – голос был еле слышим, – я хочу есть...

Йозеф внимательно посмотрел на человека.

– Эти люди нуждаются в пище, – сказал он Ханне. Она дала ему кусок вареной рыбы и пару картофелин.

Дрожащая костлявая рука мужчины едва успела выхватить еду, как раздался громкий окрик.

Йозеф оглянулся и увидел наполненные яростью глаза охранника и широко открытый рот, выплевывающий прямо в лицо Йозефа отрывочные ругательства: «немецкие... фашисты... нацисты... предатели...».

– Я не сделал ничего плохого. Я только дал этому бедному человеку поесть, – произнес Йозеф на идиш, пытаясь отойти к жене и сыну.

Но солдат грубо схватил его за шиворот. Йозеф споткнулся, потерял равновесие. Солдат поволок его к горящему костру, где Йозеф и увидел впервые этого офицера.

Офицер сидел на перевернутом вверх дном ведре перед огнем, твердо упираясь в землю широко расставленными ногами в покрытых пылью сапогах. Расстегнутая гимнастерка открывала блестящую от пота кирпично-красную шею. Офицер вытянул руки над пламенем костра. Теплый воздух поднимал к небу сверкающие искры, и они, как легкие бабочки-огневки, танцевали вокруг коротких пальцев его мускулистых волосатых рук. Двое охранников с ружьями, как грубо вырезанные деревянные статуи, стояли возле него. Йозефу показалось, что он попал в языческий храм жрецов-огнепоклонников, о которых читал в детстве.

Офицер поднял глаза от огня и равнодушно поглядел на Йозефа. Солдат что-то говорил, указывая на него пальцем. Офицер слушал, но без интереса. Было очевидно, что его мысли были заняты чем-то, что поглотило все его внимание, но вдруг он резко повернулся и взглянул на Йозефа.

Странная перекошенная улыбка, больше похожая на гримасу от зубной боли, скользнула по покрасневшему лицу: – Документы, фашист! – офицер требовательно протянул руку.

Йозеф покрылся холодным потом. Он оглянулся и увидел жену. Широко открытыми глазами, прижав сына к груди, она с ужасом глядела на происходящее.

– Товарищ офицер, есть ошибка. Я из Вильно... Мои документы с моей женой, там, – Йозеф показал жестом в сторону Ципоры, – позвольте мне пойти, чтобы получить их. Я не немецкий, я еврей. Это ошибка... Я из Вильно. Я не с этими людьми, – он перешел на идиш.

– Вы видите, видите, – солдат снова замельтешил, начал взволновано жестикулировать, Йозеф мог понять только отдельные слова.

«Немецкий шпион» – это он понял хорошо.

Офицер что-то негромко сказал солдату. Тот подошел к Йозефу и, быстро обыскав его, толкнул в группу немцев, которые уже начали двигаться к барже.

– Шнеллер! Быстро! – заключенные были вынуждены бежать, подстегиваемые криками и толчками охранников.

Ханна кинулась вслед за мужем, но, сделав несколько шагов, повернула назад, схватила конверт с документами, талес, филактерии... и побежала к реке.

Йозеф не мог принять того, что с ним случилось. Ему хотелось верить, что это была просто плохая шутка, что сейчас все разрешится, и он вернется к своей семье.

В темноте он скорее почувствовал, чем увидел Ханну. Она ловко протиснулась между охранниками, и быстро сунула в руки Йозефа его молитвенные принадлежности.

– Что происходит, Йозеф, – пытаясь сдержать крик, прошептала она, – что будет с нами? – она протянула ему конверт с документами, но толпа отбросила ее назад.

– Йосэлэ! – Ханна закричала в полный голос, – это твои документы, – она храбро бросилась на стену солдат, разделяющую их. – Возьми их! Они увидят, что ты не нацист! – Ханна с силой оттолкнула преградившего ей путь солдата, чтобы вложить пакет в руки мужа, но охранник навалился на нее, пытаясь вырвать сверток.

– Оставь, не тронь ее! – Йозеф закричал и со всей своей малой силой ринулся через поток движущихся тел, чтобы помочь жене, но огромный кулак обрушился на его голову и следом второй, железной кувалдой ударил по лицу. Кулаки раскрылись и мощные пальцы, цепкие, как лапы насекомых, стали вырывать документы, которые необъяснимым образом оказались в руках Йозефа. Каким-то чудом ему удалось засунуть их в глубокий внутренний карман своего длинного пиджака.

Все происходило как в дурном сне. Йозефу казалось, что он сходит с ума. В сознании мелькали обрывки картин, проносящихся перед глазами: кто-то толкнул Ханну в спину, она рухнула на землю под ноги, подгоняемой криками и пинками обезумевшей толпы, чьи-то искаженные лица, руки, развевающиеся полы одежды. Большие Йозеф не видел Ханну. Неведомая сила закрутила его, втянула в центр сжатого пространства и, как злоеущий смерч, потащила за собой вверх, поднимая все выше и выше, и вдруг, ослабев, отпустила. Он провалился в спасительное беспмятство, и бездонная тьма накрыла его.

* * *

Очнувшись, он не сразу мог вспомнить и понять, где находится. С закрытыми глазами ощущал себя, болел только сильно разбитый нос. Он медленно открыл глаза. Было темно, лишь месяц и звезды давали некоторый свет. Йозеф разглядел множество темных фигур вокруг него. Наконец он осознал, что находится на барже с немецкими крестьянами.

Он встал, с трудом держась за поручни. Перед глазами всплыло заплаканное лицо Ханны.

– Я только что держал моего сына в руках...

Отрывочные картины его короткой семейной жизни всплывали в памяти. Обессиленный, Йозеф опустился на деревянный пол баржи, понимая, что больше никогда не увидит дорогих его сердцу жену и сына.

Он лежал на палубе, пахнувшей смолой и тухлой рыбой. Небольшой кусок скомканной бумаги белел перед ним. Йозеф поднял его. Это было недавнее фото их семьи, но часть фотографии с лицом Йозефа исчезла.

* * *

Потеря жены и сына вырвала Йозефа из окружающей действительности, замкнув в плотный, непроницаемый для внешнего мира кокон. Сознание словно заблокировало все, что произошло с ним, кроме одного – утраты Ханны и Алекса. Его тело перестало чувствовать боль.

Несколько дней, может быть, неделю, может, больше (он не помнил и не считал) баржа двигалась вниз по реке. Люди не получали практически никакой пищи, лишь изредка им давали плохо пропеченный, тяжелый, как глина, хлеб или вареную картофелину на человека, да еще воду из реки. Но отсутствие питания не беспокоило Йозефа – все внутри него обмерло, он не чувствовал ни голода, ни холода, ни дождя, вызывающего озноб. Он понятия не имел, куда они едут, какой сейчас год, день или месяц, но все еще по привычке молился дважды в день: вечером и утром.

Поначалу его молитвы вызвали некоторое любопытство у солдат, особенно у офицера. Он молча наблюдал, как Йозеф аккуратно накручивал черные кожаные ремешки вокруг пальцев и руки, прилеплял посередине лба небольшую, почти кубическую черную коробочку и покрывал голову грязно-белой, с синими полосами и бахромой по краям шалью.

Йозеф видел, что офицер проявляет некоторую заинтересованность, и однажды даже был готов поговорить с ним, чтобы показать свои документы, но в последний момент передумал и глубже спрятал бумаги в карман пиджака.

– У меня будет время, когда они мне понадобятся, – подумал он. Наивная вера еще жила в нем, что найдутся люди, которые поймут, как ужасно и несправедливо поступили с ним и его семьей.

Он держался за эту мысль, как за последнюю надежду.

Баржа, наконец, остановилась. Заключенных перегнали в товарные вагоны, тяжелые двери закрыли свет, и состав двинулся в неведомую даль. Смену дня и ночи можно было наблюдать только в одном маленьком окошке высоко под потолком или через трещины между досок в стенах и крыше. Йозеф приткнулся в самом дальнем и темном углу вагона, куда не проникали даже слабые проблески света, без еды и воды, собирая лишь капли дождя, текущие с крыши. Он оказался одним из немногих, кто мог самостоятельно выбраться из вагона, когда, товарняк добрался до очередного пересыльного пункта. Спотыкаясь о трупы, цементированные человеческими экскрементами, дорожной грязью и соломенной трухой, он подполз к открытой двери. Обтрепавшийся его лапсердак из черного стал бурым, а связанная Ханной ермолка выглядела просто куском засаленной тряпки. Его длинные пепельно-серые волосы свалились, неухоженная отросшая борода свисала неопрятными клочьями...

Когда глаза его немного привыкли к свету, Йозеф разглядел офицера и двоих охранников с собаками, стоящими перед открытой вагонной дверью. Офицер смотрел на Йозефа так, будто был невероятно счастлив увидеть его среди тех, кто пережил эту поездку со смертельным исходом.

Йозеф не узнал бы его, если бы не врезавшаяся в память перекошенная гримаса-улыбка.

– За этим гадам смотреть особенно, – офицер указал на Йозефа, – он мне нужен живым.

* * *

Пересыльные пункты, организованные по всей огромной стране, формировали группы спецпоселенцев и, как гигантские центрифуги, вышвыривали их во все концы громадной советской империи – за Урал, в Сибирь, в Казахстан, на Дальний Восток.

Пересыльный лагерь, в который попал Йозеф, напоминал вавилонское столпотворение бурлящей смесью языков и национальностей. Множество народа, сорванного с родных мест и выброшенного неизвестно куда со скудными пожитками, наспех собранными в мешки и котомки, завязанными в одеяла или кое-как уложенными в чемоданы, неприкаянно блуждало взад-вперед в ожидании прихода очередного поезда с беженцами, надеясь на возможную встречу с разлученными родными и близкими. Люди ждали этих встреч и в то же время страшились их, так как найдя друг друга, часто узнавали, что потеряли навсегда родителей, детей, родственников или друзей.

Йозеф Фишер, получивший номер Ф 30–68, старался ходить по лагерю как можно меньше. Он не хотел встретить кого-либо, кто мог бы сообщить, что его жена и сын убиты, умерли или отправлены в трудовой лагерь. Йозеф находил место в одном из дальних углов и усаживался, прижавшись спиной к стене. Это давало ему иллюзорное ощущение безопасности и защиты от холода и ветра, которых он почти не замечал. Он сидел неподвижно, не меняя позы, и со стороны могло показаться, что человек спит или умер, и только беззвучное шевеление губ говорило о том, что в нем теплится дыхание. Каждый день по гудку он оставлял свое место и, вместе с другими заключенными, становился в шеренгу перед группой охранников и офицеров и делал шаг вперед, когда слышал свой номер:

– Заключенный Ф 30–68!

Едва заметная грустная улыбка тогда касалась его губ.

После куска хлеба и тарелки супа из прокисшей гнилой капусты Йозеф возвращался на свое место и снова впадал в оцепенение. Все вокруг для него переставало существовать, за исключением лиц жены и сына, их голосов и вязкого тумана, висящего в сознании, как клочья мокрой ваты.

На очередной переключке начальник караула выкрикнул номер Йозефа. Он сделал шаг вперед:

– Это я.

Один из караульных махнул рукой: – Пошли!

– Мое время пришло, – пронеслось в голове Йозефа, и он отрешенно последовал за охранником.

Тот привел его в административный корпус и остановил в коридоре, приказав встать лицом к стене. Йозеф долго изучал волнистые линии, вытопанные множеством ног в досках под ногами, а потом и грязные пятна на стене – отпечатки рук. Он уже решил, что о нем забыли, когда дверь рядом открылась.

По приказу конвоира он вошел в полупустую комнату, на стене над покрытым красным сукном столом висел большой групповой портрет четырех усато-бородатых мужчин. Впервые Йозеф увидел их после появления советских солдат в Литве, и потом еще много раз они мелькали во время его передвижения по России. Это были коммунистические вожди «самого справедливого строя» (так ему объяснил знакомый часовщик Шимон), чьи изображения висели повсюду на стенах домов и каждой железнодорожной станции. Часто они были вместе или порознь, а иногда на портрете был один или стоящий, как памятник, с вытянутой вперед рукой, или же держа обе руки в карманах.

За столом сидели два офицера. Йозеф сразу же узнал одного из них. Это был «жрец», как он определил его для себя еще там, на берегу Волги. Другой, незнакомый Йозефу и, очевидно, выше рангом, держа в руках серую папку, говорил со жрецом резким повелительным тоном. Тот отвечал почтительно, даже привставал со стула. Йозеф не понимал, о чем они говорили, но, когда разобрал слово «документы», решил – он сделал быстрый шаг к столу и дрожащими руками достал из кармана небольшой лоскут. Охранник попытался задержать Йозефа, но старший по рангу офицер остановил его. Йозеф осторожно развернул материю и дрожащей рукой протянул то, что осталось от его документов, и положил это на стол.

Военные с удивлением уставились на Йозефа.

– Это мои документы, – старательно выговорил Йозеф по-русски. Он потратил много часов, чтобы правильно произнести эти три слова.

Старший офицер брезгливо, будто боялся подхватить заразу, пошевелил карандашом вылинявшие, склеенные грязью и потом страницы с расплывшимися фиолетовыми буквами и, не глядя на Йозефа, стал задавать вопросы.

В комнате находился еще один человек, которого Йозеф не сразу заметил. Это был молодой еврей болезненного вида, одетый в зимнее женское пальто с воротником из желтой лисицы, постоянно сморкавшийся в длинное грязное полотенце, которое в прошлой жизни, по-видимому, было талесом.

Глаза молодого еврея, воспаленные и красные, выдавали давнюю простуду, к тому же было видно, что он страдает косоглазием – один глаз выпукло смотрел в левый верхний угол комнаты на возжей, а другой, нормальный, – подобострастно на офицеров.

– Когда и где вы родились? – переводчик говорил на идиш с сильным галицийским акцентом.

Йозеф молчал.

– Ребе, я прошу вас, – сказал еврей и шумно, с присвистом высморкался.

– Извините, я не понял, что вы спрашиваете меня.

– Это не я... это он спросил вас – здоровый глаз метнулся в сторону офицеров.

– Почему он спрашивает? Все написано в бумагах, которые я дал ему.

– Вы не должны задавать здесь вопросов, ребе. В этом месте вы должны только отвечать, – переводчик бросил взгляд на висящий портрет, вероятно, ища сочувствия или поддержки у возжей.

– Я родился в Вильно в 1901 году, – миролюбиво ответил Йозеф.

Допрос занял не более десяти минут. Из-за непонятного диалекта переводчика и потому, что тот часто обращался к возжам и только иногда непосредственно к раввину, Йозеф мало что понял.

– Послушайте, ребе, я действительно хочу помочь вам. Просто скажите, что вы делаете, кроме того, что читаете Тору? – искренняя просьба звучала в голосе молодого человека, то ли по несчастью, то ли по собственной воле оказавшегося здесь.

Йозеф, наконец, поймал взгляд его здорового глаза.

– Что я могу делать, я – раввин! Я знаю Талмуд и гематрию, – Йозеф ответил на идиш. Он хотел поскорее закончить эту комедию и вернуться обратно в свой угол.

Переводчик протрубил носом в свой необъятный носовой платок витиеватую мелодию и принялся что-то объяснять офицерам по-русски.

Жестокий жрец вскочил с места, что-то доказывая старшему офицеру, но тот, не обращая на него внимания, продолжал писать на листе бумаги.

Йозеф не понимал, о чем они спорят, но было ясно, что речь идет о нем. Старший вдруг оборвал офицера резким замечанием.

Подчиненный, красный и разгневанный, с размаха плюхнулся на стул и с нескрываемой злобой посмотрел на Йозефа.

– Что я сделал не так? Почему я здесь? Где моя жена и сын? – в отчаянии выкрикнул Йозеф, глядя на переводчика, как если бы тот мог ответить ему.

– Ребе! Здесь вы не можете задавать вопросы, – неприкрытый страх мелькнул в здоровом глазу насмерть перепуганного парня.

Начальник встал и прочел вслух то, что было написано на бумаге.

– Вам повезло, ребе, – переводчик откашлялся, не скрывая волнения. – Они решили, что вы виновны лишь в том, что помогли врагам советского народа. Слава Богу, за это вы получили только десять лет спецпоселения. Это просто десять лет труда. Слава Богу!

– И почему мне так повезло? Я потерял семью, теперь должен провести десять лет в кандалах из-за того, что дал кусок рыбы бедному незнакомцу? – Йозеф пытался сохранить спокойствие. – Пожалуйста, скажите им, что я невинный человек. Я не сделал ничего плохого...

– Они могли послать вас в трудовой лагерь строгого режима. Это была бы верная смерть. Они могли приговорить вас к смертной казни, как врага народа, – грустно сказал переводчик.

– Они уже это сделали, – Йозеф посмотрел на «жреца» и поймал его жесткий холодный взгляд. Хрупкая надежда, что ужасную ошибку можно будет исправить, исчезла.

– Почему вы делаете такая ужасная вещь, чтобы погубить меня и моя семья? – дрожащим голосом, с трудом сдерживая себя, проговорил Йозеф.

Офицер Мокин понял. Кривая гримаса сморщила его лицо, как будто у него неожиданно заболели все зубы. Он отвел глаза.

* * *

Спустя несколько дней Йозеф Фишер, раввин из Вильно, спецпоселенец, был отправлен с очередной партией поволжских немцев на север Сибири. На этот раз группа была больше и разнообразнее, чем та, с которой Йозеф начал свой путь. Она включала мужчин и женщин разного возраста, подростков, детей и даже несколько младенцев. Баржа походила на первую, только двигалась намного быстрее.

Стоял конец лета. Днем еще было тепло, но по утрам над спящими на палубе парило густое прохладное облако, слышались стоны и вздохи взрослых, всхлипывания и крики детей. Йозеф находился среди людей, но был так далеко от них, как был далек от всех ощущений окружающей его реальности. Он прижился на верхней ступени лестницы, ведущей в трюм, и оттуда следил за убегающей за бортом водой. Даже в дождь он не пытался найти укрытие внутри баржи и лишь втягивал глубже голову в плечи, и тогда всей своей позой напоминал большую нахохлившуюся птицу.

Йозеф ощущал, как он сейчас далеко от своего Бога, и это именно тогда, когда нуждался в Его помощи больше всего. Как первые пузырьки воздуха в закипающей воде, из глубины его мучающейся души поднималось медленное осознание происходящего с ним.

– Для чего я должен быть среди этих людей, без семьи, без Ханны и сына? – эта мысль не покидала его голову.

В ешиве Йозеф провел много времени, изучая Тору. В любой момент он мог восстановить по памяти место в Книге, которое либо глубоко затронуло его, либо осталось непонятным. Одним из непонятных ему мест была борьба Иакова с Ангелом. Некоторые талмудисты говорили, что Иаков боролся не с Ангелом, а с Богом. Еще тогда Йозеф пытался найти ответ, что хотел Тот, с кем боролся Иаков? Да и конец этого поединка («И взошло солнце... и хромал он на бедро свое») – также не был ясен ему. Для чего делать Иакова на всю жизнь калекой?

Сейчас Йозеф видел много общего, непонятного между историей Иакова и тем, что случилось с ним. «Какой смысл в том, что он, Йозеф Фишер, оказался среди этих людей – нелепая, глупая случайность или испытание, назначенное Богом?»

Йозеф взглядывался в небо, надеясь увидеть какой-либо знак, посланный ему, но даже небо над ним потеряло высоту. Низкое, непроницаемое и холодное, оно устало скреблось по вершинам густого леса, рассыпанного по сопкам, близко подошедшим к реке. Не найдя ответа, да и просто устав думать, он снова впадал в глубокую сонливость, намертво отгораживаясь от мира.

В забытый солнцем, морозящий туманом день баржа остановилась в совершенно безлюдном месте возле большой поляны на берегу реки. Офицер, тот самый, что так жестоко

поломал жизнь Йозефа, оторвав от семьи и бросив в самый настоящий ад, а теперь сопровождалший спецпоселенцев, выкрикнул фамилии примерно трех десятков семей, последняя была его, Йозефа Фишера. Им всем приказали сойти на берег с вещами.

Назвавшись Василием Мокиным, он грозно вышагивал перед насмерть перепуганными людьми, что-то резко и злобно орал, а затем вызвал из толпы высокого мужчину и с такой силой дернул его за ухо, что у того потекла кровь.

Йозеф не понимал, что происходит, но всем существом ощущал необъяснимую ненависть, выплескиваемую этим человеком. Офицер сказал что-то солдатам, и те принесли большие брезентовые свертки, мешки, какие-то инструменты, и, бросив их почти у самой воды, вернулись на баржу. Пружинистой походкой офицер поднялся следом и трап убрали.

Плеснула вода, баржа всхлипнула, вздохнула, словно прощаясь, и плывущая тюрьма медленно оторвалась от берега и неспешно двинулась дальше. Раздались громкие рыдания.

Йозеф посмотрел вокруг – нелюдимый глухой лес шумел под начинающимся дождем, приглушая все более усиливающийся женский плач.

– Что эти люди сделали такого ужасного, что их оставили здесь вместе с маленькими детьми? – Его взгляд упал на мальчика лет семи и девочку, четырем-пятью годами старше. Похоже, дети были сиротами и настолько напуганы, что даже не плакали.

– Что двое этих маленьких птенцов могли сделать в своей короткой жизни, чтобы быть столь страшно наказаны? – с горечью подумал Йозеф. Их одиночество и боль были так понятны ему, что его собственные переживания на миг утратили остроту. Теплое, почти забытое чувство сострадания тронуло, казалось, навсегда застывшее сердце.

Он подошел к детям. Большие круглые глаза, наполненные слезами и тревогой, смотрели на него. Йозеф гладил серые, как старая солома зимой, давно не мытые волосы мальчугана и что-то говорил им. Дети не понимали языка Йозефа, но его голос, мягкий и добрый, вызывал доверие. Они придвинулись ближе, и Йозеф почувствовал холодок робкого и деликатного прикосновения к его руке. Он положил свою руку на руку ребенка и она, как птенец, под крылом матери, успокоилась в его ладони.

* * *

Осень, как ни старалась помочь выбивающимся из сил людям, вынуждена была сдать позиции наступающей зиме.

По первопутку, Вальтер Бош, начальник их поселения, все-таки решил сходить в Каменный ручей – деревню, о которой говорили геологи. Небогатые жители ее, тем не менее, поделились, чем могли, и ходоки вернулись с довольно большой поклажей, в которой кроме спичек, гвоздей и керосина были вяленые мясо и рыба, немного муки и старые залежалые сухари. По этому поводу устроили праздник в центральном доме-землянке, которая была немного просторнее других.

Йозеф помнил тот вечер.

Получив свою порцию тюри – супа из размоченных сухарей, и два небольших куска вяленой рыбы, Йозеф вышел наружу. Жадно глотая, до последней капельки выпил пахнущее хлебом варево, подержал остывающую пустую кружку, вдыхая оставшийся в ней хлебный запах, затем аккуратно положил в карман вместе с рыбой.

...Жизнь поселенцев концентрировалась вокруг сведенной до минимума активности, необходимой для выживания каждого в отдельности и всех вместе в условиях практически первобытного существования. Поддержание огня внутри землянки было главной задачей. Огонь горел днем и ночью без перерыва, и его необходимо было подкармливать постоянно, чтобы сохранить хотя бы минимальное тепло. Это было непросто. В одной из землянок подросток, следивший за огнем ночью, заснул. Сильный снегопад, начавшийся с вечера, забил

дымоход, и все, кто находился в землянке, угорели. Снег шел несколько дней, замуравывая ветхое строение, и только когда он прекратился, с трудом выбравшиеся наружу поселенцы смогли откопать погибших. В какой-то мере они даже завидовали своим умершим товарищам, их окончившимся мукам. Но мертвое – мертвым, а живое – живым. Все, что осталось от ушедших в мир иной – еду, одежду – разделили между членами общины. Йозефу достались варежки и шапка.

На самодельных снегоступах Йозеф не мог далеко уходить в тайгу ставить силки и потому очень редко приносил что-либо из леса.

Вальтер Бош вежливо, но очень настойчиво посоветовал быть поблизости: – Вас нам будет очень не хватать, если вы пропадете в лесу.

– Какая от меня помощь? – пытался возразить Йозеф.

– Пожалуйста, не возражайте мне. Вы нам очень нужны сейчас, а потом будете еще нужнее.

Вальтер Бош прочел искреннее недоумение в глазах Фишера: – Поверьте мне, – он положил руку на плечо Йозефа.

Землянка, в которой жил Йозеф, вмещала пять семей и несколько одиночек. Они называли свое убогое жилище «наш дом». Жилое пространство было разделено на шесть крохотных отсеков. Фишер делил свой угол вместе с двумя другими мужчинами, что исключало всякую возможность остаться наедине с самим собой, с собственными мыслями, и не мешать соседям по конуре...

Йозеф подошел к своему дому. Было время вечерней молитвы. Он посмотрел на темную синь бездонного неба, обсыпанную громадными, в кулак, яркими, как осколки луны, звездами. Неутоленный голод перекачивался в животе и отдавал тянущими болями в груди. Йозеф затянул веревку потуже, чтобы уменьшить сосущее ощущение в пустом желудке, и попытался сосредоточиться на молитве, но все подавляющий голод и пронизывающий холод делали слова просто полыми оболочками, пустыми, без всякого смысла. Он заставил себя сосредоточиться на молитве, но мысли ускользали, как-будто он думал об умирающем дальнем родственнике, о котором только и знал, что тот существует, но никогда его не встречал. И было неважно знать, жив этот человек или уже умер.

Внезапная боль под ложечкой вынудила Йозефа согнуться. Пытаясь облегчить ее, он сделал глубокий вдох, и тысячи ледяных игл вонзились в его легкие. Он закрыл глаза. Йозеф не знал, как долго он сидел так. Глубокая тишина окружила его. Он перестал чувствовать холод. Ему вдруг стало тепло и уютно. Он увидел себя в своем родном доме, лежащим в чистой постели с накрахмаленной простыней и мягкой, из гусяного пуха по душкой, пахнущей чистой свежевыпавшего снега, увидел свою маму, на которую так была похожа любимая его жена. Этот тип женщин с их утонченной красотой, гибкие, с темными бровями и тонко очерченным профилем вели свой род, видимо, еще от Рахели, любимой жены праотца Якова. Такими библейски красивыми были жена и мать Иосефа, именно такой он и увидел молодую свою маму.

Она подошла к нему и только еще влажной после умывания рукой ласково и нежно погладила его по лицу: – Йосэе, вставай, пора идти в школу.

Йозеф пытался удержать ее руку на щеке, но мать ушла, не сказав больше ни слова. Только ее прикосновение, мягкое, теплое, влажное задержалось на его лице.

Йозеф открыл глаза и прямо перед собой увидел пару желтых собачьих глаз. Собака, оставленная геологами, слизывала снег с его лица, смотрела на Йозефа и молча ждала, чтобы он встал и пошел в тепло, в дом, который был всего в паре шагов.

– Похоже, еще один крупный снег идет сюда, – сказал Фишер, уверенный, что собака понимает его. – Надеюсь, что наша крыша удержит его, – он поглядев в небо, и благодарно

потрепал псину по мохнатой холке, достал кусок рыбы из кармана, отдал его собаке и пошел к дому.

Его голова была легкой, и колокольчики все звенели в ушах легко, празднично, не по-зимнему. Он постоял некоторое время перед низкой дверью, не решаясь открыть ее. Не было никакого желания возвращаться в голод и холод, к стойкому запаху невымытого человеческого тела, к склизким, промерзшим стенам хижины и темноте пространства за этой дверью. Он был счастлив здесь под небом и хотел умереть с радостью в сердце. Тяжело и неуклюже он протиснулся в дверь. Несколько человек сидели возле печки, пытаясь вобрать в себя как можно больше тепла, прежде чем ложиться спать. Они прервали разговор и посмотрели на Йозефа.

Он прошел к сооруженному из жердей и покрытому тряпьем лежаку, привычно обернул голову тем, что осталось от талеса, прикрыв нос, рот и глаза. Материя была старой и грязной, но Йозеф ее не стирал, боясь, что исходящий от нее дорогой ему запах прошлой жизни, в которой были его любимые жена и маленький сын, может исчезнуть. Вначале этот запах был очень слабый, почти неуловимый, но со временем стал сильнее, и Йозеф считал это чудом. Этот запах примирял его с гнетущей действительностью и ограждал от всяких звуков общежития, словно за этой тканью Йозеф всегда был вместе со своей семьей.

Легкая улыбка тронула его губы, и Иосиф заснул.

* * *

За пять лет, проведенных среди ссыльных поселенцев, Йозеф Фишер сблизился с немецкими крестьянами, простыми и трудолюбивыми людьми. Особенно он ладил с их детьми.

Фишер организовал школу, где обучал ребятшек математике, тому, как отличать полезные растения от вредных и плохих и как распознавать планеты и созвездия на небе. Вместе с детьми он разбил небольшой сад за школой, которая временно помещалась в многосемейном бараке, где жил Йозеф. Каждый день, начиная с ранней весны и кончая поздней осенью, реб Фишер и его ученики были заняты в саду, выращивая разные овощи и растения из семян, привезенных геологами из больших городов, где они работали зимой.

Нетронутая девственная земля с благодарностью отзывалась на заботу о ней. В саду, укрытом от холодных северных ветров крепкой стеной дома и согреваемом солнцем с раннего утра до позднего вечера, красовался цветник – их общая гордость. Цветы и растения, которые Фишер и его питомцы принесли из леса, сохраняли свою декоративную прелесть от начала весны до глубокой осени.

Раньше всех сквозь еще не растаявший снег пробивались крокусы, усеивающие цветник пестрыми мушками, и подснежники с кристально-белыми цветками. За ними торопились синие пролески и многоцветные примулы-баранчики, желто-белые львиные зевы и дикие гвоздики с бело-розовыми лепестками. Королевская лилия, прозванная в народе «рябчиком» за множество черных точек и штрихов, покрывающих оранжевые и желтые лепестки, выбрасывала ввысь вывернутые наружу кудри. Цветы и цвета сменяли друг друга: отцветали одни растения, зацветали другие, и так до самых морозов.

По границе сада струился маленький родничок, и ребята сделали запруду, превратив ее в небольшой водоем, куда запустили мальков хариуса, пойманных в ручьях и речушках, которых было немало в лесу. Мальки выросли, но в первое же лето их выловила прилетевшая с реки серая цапля. Но зато незабудки и ирисы-касатики, посаженные вокруг прудика, оказались удивительно жизнестойкими и из года в год радовали всех жителей деревни своей небесной голубизной. Весь сад был обрамлен кустами диких пионов и роз, цветущих до первых заморозков громадными розовыми цветами.

Йозеф интуитивно понимал и чувствовал каждое растение, знал, какой земли и сколько света нужно каждому кустику. Он часто разговаривал с растениями. Дети смеялись и ласково шутили над стариком, говоря: – Наш учитель любит цветы, а цветы любят его.

Он тоже с нежностью относился к своим «киндерлэх», которые следовали за ним всюду: когда он шел в лес или копался в саду. В своей выбеленной дождем и солнцем одежде, самодельной шляпе, сработанной из длинных стеблей осоки, с длинными волосами и спутанной бородой, Йозеф напоминал бы пугало посреди огорода, если бы не дети, роящиеся около него. Йозеф всегда светился улыбкой и глаза его искрились под мохнатыми бровями, когда он говорил с детьми о цветах, травах, птицах и всякой живности.

Поселенцы восхищались яркими красками цветов, удивлялись размерам и урожаем овощей, которые он и его ученики получали с небольшого участка.

– Мой отец приучил меня с детства к деревенской жизни – отвечал Йозеф, когда жители деревни открыто в глаза хвалили его. В эти минуты в нем трудно было признать прибитого жизнью еврея, который потерял свою семью.

Йозеф был также и счетоводом. Однажды Вальтер Бош попросил помочь ему составить сводки о выращенных продуктах и количестве их расходования за месяц: – Нам нужна ваша помощь, чтобы вести учет нашей жизни: сколько у нас людей, как долго мы работали в огороде и лесу, что мы сделали, сколько и чего израсходовали. Вы понимаете, реб Фишер, насколько это поможет нам планировать нашу жизнь и потребление зимой.

– Ну почему только зимой? Если все делать с умом, то можно будет планировать и следующий год, – сказал Йозеф и напомнил Вальтеру библейскую историю Иосифа, сына Якова, как тот жил у фараона и вел хозяйство всей империи.

После этого разговора, в конце каждого месяца, после обязательных работ в лесу и в поле, они садились за бухгалтерские записи. Деревня была маленькой, для Йозефа бухгалтерия не была утомительна.

* * *

Сегодня его жизнь снова делала поворот, уводя в неизвестность, тот великий мрак.

Все поселенцы от мала до велика вышли попрощаться с ребе Фишером. Одна из старших девочек приблизилась к старику, неловко поцеловала его в щеку и с глубоким книксен дала ему букет. Мокин узнал в них незабудки, что растут около бочажин, но эти были особенно непорочными, какими-то невзаправдашне-крупными и удивительного нежно-голубого цвета.

Йозеф взял цветы и ласково посмотрел на девушку:

– Заботьтесь о нашем саде, Ольга! – По-русски он говорил хорошо, хотя и с заметным акцентом.

– Мы обязательно будем, учитель! – ее голос дрожал, она была готова расплакаться.

– В классе я оставил инструкции, как ухаживать за растениями, – он нежно коснулся соломенных волос девушки.

– Теперь я совершенно одна! – девушка не смогла сдержать слез. Это была девочка-сирота, потерявшая своего единственного брата в первый же месяц их пребывания в этом месте.

– Не плачь, ты не одинока – целая деревня с тобой. Я скоро вернусь, и мы будем продолжать наши занятия. Я уверен, все будет хорошо, и ты верь, вы все верьте – это было сказано детям, толпившимся около него.

Вальтер Бош подошел к телеге и поставил на нее кузовок с едой, а большую охапку сочной моркови с ботвой подал Йозефу: – Это из вашего сада. Они будут полезны для вас, реб Фишер, – он положил руку ему на плечо. – Спасибо за вашу помощь и благодарю вас за наших детей.

Бош, этот грубоватый с виду крестьянин, по воле случая ставший главой всей деревни в тот самый день, когда группу немецких поселенцев бросили в этом глухом неприветливом месте, именно он оказался тем человеком, который смог спасти потерявших надежду людей, и это чувствовали все в поселении. За прошедшие пять лет Фишер видел много слез и страданий, но видел и то, как этот немногословный человек организовывал жизнь там, где ее, казалось, не могло быть. Ведь жизнь, кажется, сделала все, чтобы очерствить, ожесточить любое сердце, но бургомистр всегда делал самую трудную работу, подставляя плечо тем, у кого не хватало сил, заменял и ободрял слабого, уставшего и находил слова для каждого, чтобы вызвать улыбку и поднять настроение своих товарищей.

– Вальтер, я не готов проститься навсегда. Я буду помнить тебя и твою деревню, этот день и твою морковь.

– Вы всегда будете в моем сердце, Йозеф. Мы никогда не забудем вас, – они крепко обняли друг друга. – Если вы почувствуете, что вам очень плохо, помните, что я ваш должник. Я сделаю все, о чем вы меня попросите.

– Я не сомневаюсь в этом, – сердце Йозефа сжалось.

Даже дети понимали, что никогда больше не увидят своего любимого учителя.

Он тоже знал это.

– Хватит! Подотрите сопли! – Мокин прервал прощание. – Заключенный Ф 30–68, слушай меня.

Он привычной казенной скороговоркой зачитал правила, которым Йозеф должен был следовать во время его перемещения из деревни в лагерь: – Шаг влево, шаг вправо считается попыткой к бегству, стреляем без предупреждения, понял, Ф 30–68?

Мокин закончил чтение бумаги.

– Понятно, – ответил Фишер, глядя прямо в глаза Мокина.

Да, это был тот самый Йозеф Фишер. Он мало изменился внешне, только, может быть, его темные до черноты глаза стали светлее и потеряли выражение былой неуверенности, а взгляд стал добрее, и эта доброта проявлялась даже в том, как Фишер смотрел на Мокина.

– Это хорошо, что мы выходим рано, – сказал Фишер, укладывая морковь на телегу, – с утра меньше оводов, они будут ждать тепла. В жару мошка пропадет до вечера, а комары жалят весь день, так что приготовьтесь, – он говорил негромко, словно рассуждая сам с собой.

– Не учи старика кашлять, – буркнул Мокин просто так, чтобы оставить за собой последнее слово, – разберемся.

Мокин навсегда запомнил эту картину: гигантские подсолнечники (выше и грандиознее всех присутствующих) стояли с повернутыми к утреннему солнцу золочеными шлемами, как почетный караул вдоль улицы. Йозеф смотрел на выстроившиеся цветы, прощаясь с ними едва заметной грустной улыбкой. Мокину даже показалось, что гранадеры-подсолнухи, словно отдавая честь Фишеру, на мгновение вдруг склонили головы.

* * *

Игольчатая зелень тайги мгновенно проглотила телегу, лошадь и четырех человек, накрыла и обволокла их запахом душистой смолы и мховой сырости. Неторопливый ход отдохнувшей за ночь лошади располагал к разговору.

– Товарищ Мокин, вы видели, что они сделали с ихней улицей? Они выстлали ее плашкой! А какие бараки да амбары, трясь их мать, не то, что в моей деревне. Я бы хотел посмотреть, что у них там внутри, – Дубин жевал кусок вяленой медвежатины, успев обыскать продовольственную корзинку Йозефа, а Панов смачно хрумкал морковкой, обтерев ее подолом гимнастерки. Морковь оранжевой свечкой сияла у него в руке.

– Это ж ясно как день, – Мокин тоже обтер морковь и звучно хрустнул ею, – они вымостили дорогу срезам, чтобы дома было чисто. Если улицы чистые, то и в доме чисто, понятно, козлы? Где вы выросли? В таком же свинарнике, как Каменный Ручей: грязь снаружи, грязь внутри...

– Конечно, они умные, – подвел итог Дубин, старательно пережевывая жесткое, как подошва сапога, мясо.

– Очень может быть, – Мокин проглотил сладкое морковное крошево и обратился к Йозефу: – Слушай, Фишер, это нацисты умные или мы, русские, глупые?

– Я не знаю, кто умнее, а кто глупее, – ответил Йозеф, – Бог создал все народы, каждый для своей цели, – и, помолчав немного, продолжил ровным голосом учителя, – некоторые из них для одной цели, другие для другой. Люди могут узнать что-то хорошее друг от друга, если есть различия.

Мокина неожиданно затронул мягкий голос Фишера и смысл его слов. Он никогда не думал, что разные люди существуют для разных целей. Эта мысль врезалась в его сознание, как гвоздь из сапога, пробивший защитный слой стельки, в пятку. Мокин попытался сосредоточиться на идее о разных людях, и уже решил, что все это просто-напросто *еврейская мутота*, но был прерван Пановым.

– Да че ты несешь, вражья морда!! Чему мы можем учиться у фашистов? – он отхрумкал кусок моркови и с полным ртом продолжал: – Мы дошли до Берлина и захватили всю Германию... Вот тебе и вся цель.

Мокина начали раздражать эти двое, посланные следить за ним.

– Слышь, Панов, выдвигайся вперед и наблюдай... будешь в дозоре, – приказал он охраннику, – а ты, Дубин, прикрывай нас с тыла... На всякий случай, сами понимаете... Выполнять!

– Вы хорошо знаете, гражданин офицер, что люди в нашей деревне не нацисты и не фашисты. Они – простые крестьяне. Их предки издавна жили в России, отцы и деды были крестьяне, они страдали и умирали, как и любой другой народ, – Фишер продолжал говорить негромко, но знал, что Мокин слышит его.

– А ты здорово научился говорить по-русски, Фишер, – Мокин внимательно рассматривал овражек, начинающийся от ближайшей к поселению бочажины. Воздух еще не нагрелся, и бабочек было меньше чем вчера, но стрекозы уже начали шнырять над стоячей водой, и острый нос лягушки торчал среди осоки.

– Это меня учительница Валентина научила... – Йозеф положил руку на связку книг.

Мокин перевел взгляд на книги, и Фишер, не дожидаясь вопроса, объяснил:

– Это учебники... Их передали из соседней деревни.

– Ну вот, Фишер, ты и упустил шанс стать крестьянином, теперь ты будешь бухгалтером, – насмешливо заметил Мокин.

– Это тоже работа, – ответил Йозеф и после длинной паузы добавил: – Одного земледельца достаточно для семьи.

Фишер закрыл глаза. Внутренним взором он увидел местечко вблизи Вильно, где родился, вырос и провел всю свою жизнь.

– Что ты сказал? – Мокин не мог поверить, что услышал.

– Мой отец был земледельцем, – повторил Йозеф.

– Ну ты только послушай себя, Фишер! Еврей не может быть крестьянином. Я никогда не слышал такую чушь, чтобы еврей работал в поле. Жиды знают только, как продавать и обманывать других людей. Жулики и кровопийцы – вот, что они есть, – закончил он уверенно и дернул поводья, подгоняя лошадь. – Шевелись, Тетка, нам еще вона сколько топать, – и добавил весело: – Ну, давай, расскажи мне про своего отца-крестьянина, – он поудобнее уселся на телеге и ослабил вожжи.

* * *

Йозеф не отреагировал на явную насмешку Мокина, погруженный в тепло своих воспоминаний, далеких и лишенных многих деталей, но по-прежнему льнувших к нему, как старое детское одеяло.

Его отец, реб Фишер, каждое воскресенье брал маленького Йосэлэ на крестьянский рынок в Вильно, где он продавал кур и яйца со своей фермы. В конце дня отец всегда покупал ему мороженое.

– Вы хотите большую или маленькую порцию? – спрашивал продавец ласково, глядя на мальчика с улыбкой.

Это был своего рода ритуал, маленький спектакль. Продавец мороженого всегда задавал один и тот же вопрос, хотя знал заранее ответ отца:

– Он большой мальчик, дайте ему большое мороженое.

Йозеф, как все дети его возраста, любил мороженое, обожал его, мог съесть его много, из-за этого он получил прозвище – Йосэлэ-мороженое. Он не возражал. Он всегда указывал на большой металлический цилиндр, один из двух, стоящих в коробке со льдом в передней части фанерного ящика с надписью «Мороженое». Для Йозефа существовало лишь одно мороженое – сладкое, желтоватого цвета, с восхитительным вкусом ванили. Он любил смотреть, как мороженщик движениями заправского фокусника собирал для него сказочный бутерброд: в одну руку брал сверкающий цилиндр, другой клал на дно золотой диск из сахарной вафельки, черпал ложкой светящийся изнутри снег мороженого, набивал до самых краев цилиндр, а сверху прижимал другим вафельным кружком. И вот наступал миг волшебства.

– Ein, Zwei, Drei! – продавец надавливал поршень, дно цилиндра шло вверх, и две сахарные вафли с мороженым между ними выскакивали наружу. Мороженщик ловко подхватывал это чудо рукой и почтительно подавал Йозефу: – Это вам, большой мальчик.

Глаза Йозефа искрились радостью.

Он брал круглый брикет двумя пальцами и, располагая их точно по центру вафель, подносил ко рту. Осторожно поворачивая вдоль оси, начинал неторопливо слизывать языком сладкую пластичную мякоть, наслаждаясь каждой каплей этого фантастического, быстро таящего неземного лакомства. Он никогда не нарушал раз и навсегда отработанного ритуала – не запихивать мороженое целиком в рот, как это делали другие, нетерпеливые дети.

Йосэлэ ел мороженое отдельно, а вафли отдельно и только после того, когда точно посередине, на расстоянии, которое мог достичь его язык, оставался хрупкий тоненький столбик, готовый к краху в любую секунду. Весь фокус и мастерство поедания мороженого зависели именно от этого последнего момента – столбик мороженого между вафлями должен быть раздавлен одним точным, быстрым, как молния, движением и равномерно распределиться между сахарными вафлями.

Только тогда наступала очередь сахарных пластинок. Вафли, пропитанные насквозь расплавленной сладостью, становились чрезвычайно мягкими и вкусными. Они съедались в три приема. С закрытыми глазами (теперь он мог закрыть глаза, потому что прежде он должен был следить за тем, чтобы не потерять драгоценные капли растаявшего мороженого), Йозеф делал первый укус и медленно жевал нежно-сладкую кашицу, прокатывая ее между языком и небом, с трепетом ожидая мгновения, когда можно будет ее проглотить. Затем следовал второй, и, наконец, со вздохом (это был очень печальный момент) Йозеф глотал последнюю порцию райского счастья. Когда он открывал глаза, они были всегда, к удивлению отца, очень грустные, почти печальные.

* * *

Телега мягко катилась по лесной дороге, время от времени проваливаясь в небольшие ямки или перепрыгивая через прорастающие сквозь землю корни деревьев. Иногда заросли подступали близко к дороге и тогда кобыла мягко несла телегу в неподвижном воздухе сквозь кусты. Там, где земля была мягкой, ее начинало развозить в грязь, и копыта неглубоко погружались во влажную землю, но скоро вновь выбирались на сухое и снова звонкую тишину леса нарушало мерное постукивание колес.

Фишер ничего не видел вокруг, он провалился сквозь время в другую, давно миновавшую жизнь...

* * *

Мясистые и пухлые куры с фермы отца были известны во всех еврейских кварталах Вильно и ближайших к нему окрестностях. Местные хозяйки считали большой удачей купить курицу и особенно «золотые яйца» с их фермы, потому что они были светло-коричневого цвета и почти всегда с двумя желтками. Всем хотелось получить две дюжины яиц по цене одной.

Перед Рош-Ха-Шана (еврейским Новым годом) и Йом Кипуром (Судным днем), и особенно перед еврейской Пасхой их место на рынке подвергалось настоящему нападению толпы кричащих евреек. Каждая из них, даже самая бедная, находила двадцать-тридцать грошей, чтобы купить по крайней мере одну курицу, из которой она могла приготовить весь праздничный обед для семьи. Женщины с воинственными криками, как бандиты делящие добычу, старались захватить самую крупную птицу из клетки, а вырвав ее оттуда, мертвой хваткой стискивали беднягу узловатыми пальцами, ожесточенно раздувая перья на курдючке, убеждаясь, что трофей был достаточно жирным, способным дать банку вкусного шмальца.

– Ради Бога, не убейте друг друга из-за этих кур! И не затискайте их до смерти. Птица должна умереть в руках резника, а не от того, что была задушена! – умолял женщин реб Фишер. Йозефу казалось, что в эти минуты его отец, одетый в темную длинную одежду, высокий и сильный, с густыми посеребренными седой волосами и черной бородой, напоминал Моисея, ведущего еврейский народ через Синай. (Эту картинку он видел в книжке, подаренной отцом).

* * *

– А ты-то что делал там? – Мокин повернулся к Фишеру и посмотрел на него с усмешкой.
– Я помогал отцу кормить птиц и чистить курятник, – не без гордости ответил Фишер.
– Большое дело – разводить кур! Чего их разводить-то – задал корма, они несут яйца, и все дела...

– Это так и немножечко не так, – Фишер продолжал, не повышая голоса. – Мой отец, реб Фишер знал, как разводить кур. Он держал кур различных пород, отличающихся по цвету и размерам. Одни куры были белые, как снег, другие – черные, как уголь, некоторые – серые, как зимнее утро, а некоторые – яркие и блестящие, как закат летом...

– Да ты прям поэт, Фишер! А по мне, так все дело в петухе.

– Это правда. Были такие петухи, что я боялся их, – разноцветные, с малиновыми гребнями и длинными боевыми шпорами, с круглыми глазами как капли меда, и очень сердитые. От чувства собственной важности эти гордецы всегда громко кричали и воевали друг с другом.

Вот этих петухов отец всегда продавал. Но были петухи, на вид совершенно несчастные, без перьев на шее – одни кости да кожа. Я долго не мог понять, почему папа держал их и никогда не продавал.

– А что хорошего от тех больных петухов? В суп их, да и дело с концом...

Фишер ответил с лукавой улыбкой, как будто открывал тайну своего отца:

– Вы, гражданин офицер, ели когда-нибудь желтки, растертые с сахаром и маслом?

Мокин задумался. – Один раз... в детстве... у меня горло болело...

– Это самое вкусное лекарство на свете, и называется оно гоголь-моголь. Так вот, эти задохлые петухи были из породы, что дает яйца с двумя желтками, самые лучшие для гоголя-моголя... Вот так-то, – Фишер по-детски улыбнулся.

– Как это так? Вы что, не продавали кур этой породы?

– Кур – нет, только яйца.

– Так другие тетки могли подкинуть ваши яйца с двумя желтками своим клушкам, и прощай ваша порода, – развеселился Мокин.

– Ну, во-первых, если петух не потопчет курицу, то цыпленок не выведется. А потом, из яиц с двумя желтками цыплята не выводятся...

– А я-то думал выводятся, да с двумя головами, как Змеи-Горынычи, – Мокин радостно гоготал, так ему понравилась эта идея.

– Папа продавал яйца из-под тех кур, которые петуха и в жизни не видели. У нас были два загона с этой породой – в одном только куры, а в другом – куры и петухи вместе. Так вот из второго загона с петухами яйца никогда не продавались.

– Вон оно что, – Мокин цокнул языком и замолк на некоторое время. – А вы, евреи, хитрые... – подытожил он.

– Это природа так сделала, а папа просто знал, что и как, – Фишер снова пропустил мокинскую насмешку незамеченной.

– Выходит, что все куриное дело заглохло на тебе, Фишер, – Мокин повернулся к кобыле, шевельнул поводья. Лошадь замедлила шаг, проходя между кустарников.

– Давай, Тетка, поспешай...

– Видите ли, гражданин офицер, проблема заключается в том, что не только наши дети и внуки являются нашей частью, но также наши родители являются нашей частью. А что это значит? А это значит, что мой папа использует меня как мостик и передаст свои знания через меня моему сыну, а через него моим внукам. Или, проще говоря, он и его куры существовали и будут существовать всегда. Поэтому то, что знал мой отец, всегда существовало и всегда будет существовать.

Мокин развернулся, глядя на Фишера обалдевшими глазами:

– А если ты умрешь?

Фишер отдыхал, сидя на телеге, и продолжал развивать свою мысль, как бы не обращая внимания на вопрос Мокина.

– Что это значит? Это значит, что если что-то правда и если это что-то правильно, то не только сейчас. Это правильно сейчас и всегда. Эта правильность переносится во времени, и мы ответственны за то, чтобы сохранить ее...

– Ты хочешь сказать, что какая-то там правильность была и будет всегда и передается от дедов к внукам, даже если ты умрешь?

Фишер утвердительно кивал головой, он смотрел в глаза Мокину и улыбался одобрительно, как будто бы тот нашел белый гриб прямо на дороге.

– Хватит травить баланду, – начальственным тоном произнес Мокин, – все это ваша *жидовская лабуда* без всякого практического смысла.

Фишер ничего не ответил.

Дорога пошла на подъем. Мокин соскочил с телеги:

– Ты тоже, философ, слезай и потопай ножками, по крайней мере, кобыле польза будет, отдохнет чуток.

Йозеф спрыгнул с телеги. Земля мягко спружинила под его ногами. Он взялся за боковую жердь телеги и пошел рядом.

Густое облако насекомых кишело вокруг. Йозеф вынул тряпку, припасенную для этого случая. По совету аборигенов поселенцы выдерживали куски ткани в муравейниках и обвязывали ими шею – муравьиная кислота, которой обильно пропитывалась ткань, отпугивала кровососов. Вместе с платком из кармана выкатился небольшой тонкий рулон бересты, около пяти сантиметров длиной.

– Товарищ Мокин, посмотрите, что-то выпало у заключенного, – Дубин, шедший позади Фишера, поднял берестяной рулон и протянул начальнику.

Лошадь тянула телегу в гору, и Мокин опустил поводья.

– А ну, проверь, что у него там, – Мокин указал на узел, лежащий в телеге.

Дубин вывернул мешок Фишера. Вещей было немного – пара стоптанных сапог, изношенная меховая шапка, варежки, шарф, деревянная ложка, алюминиевая кружка и старая наволочка, из которой Дубин вынул пару небольших рулонов бересты.

Развернув один из них, он увидел крошечные ряды цифр и незнакомых букв. Символы и знаки, выдавленные на бересте острым предметом, напоминали темно-коричневых жучков.

– Здесь все написано секретным кодом, товарищ Мокин.

Он вывернул наволочку наизнанку, несколько десятков берестяных рулонов выпали на вещи Фишера, на дно телеги. Все рулоны были аккуратно свернуты, а некоторые из них перевязаны жгутами из травы.

– Что это? – Мокин бросил вожжи на повозку и повернулся к Фишеру.

Фишер умоляюще смотрел на двух молодых солдат:

– Это мои заметки, пожалуйста, не выбрасывайте их. Они безвредны, и это единственное, что у меня есть, – но увидел в их глазах только любопытство и ожидание предстоящего развлечения.

Внезапно лошадь дико заржала, вскинулась, встала на дыбы, затем с силой грохнула передними копытами оземь и попятилась назад, двигая телегу вниз по склону.

Мокин бросил поводья, подхватил смертельно напуганное животное под уздцы и стал гладить, успокаивая. Лошадь лишь мотала головой, раздувала ноздри и хрипела, словно ласковые движения человека причиняли ей боль.

– Спокойно, спокойно, девочка, чего ты, не бойся...

Глаза лошади, в которых плескался не страх, а почти человеческий ужас, глядели поверх мокинской головы, животное скалило пасть, где в углах у загубников хлопьями скапливалась пена, зубы громко клацали, зажевывая металлический мундштук. Передние колеса телеги еще цеплялись за грунтовку, но, пятясь, лошадь втискивала задний край и колеса в густые заросли на обочине. Мокин обеими руками удерживал лошадь под уздцы, тянул ее на себя, пытаясь выровнять телегу на дороге, но безуспешно.

– Эй, Панов, глянь, что там? Вроде, кто-то есть в кустах...

Лошадь порывалась встать на дыбы, мотала головой, разбрасывая пену, хрипела. Мокин тянул ее морду вниз, удерживая из последних сил.

– Панов! – орал Мокин, – давай вперед, проверь, что там: зверь какой или беглый зек. Да будь поосторожнее, не шутки шутим. Дубин, оставайся на месте, за заключенным смотри! Да стой ты, тля! Стоять, говорю. И смотри, Дубин, стреляй, если он попытается бежать! Тетка, стоять, милая, стоять!

Лейтенант выкрикивал приказы, пытался успокоить взбесившуюся непонятно с чего лошадь, как положено командиру, одновременно стараясь контролировать ситуацию.

Телега плотно застряла в густых кустах на обочине, да и лошадь вроде притихла, но ушами прыдала, глазом чутко косила, была напряжена.

Мокин гладил ей морду, приговаривал почти ласково: – Ну, девочка, ну, тихо, родная, все в порядке...

Панов, осторожно ступая, как охотник на звериной тропе, медленно двигался вперед. Дубин придвинулся ближе к Фишеру, взвел курок, готовый стрелять во что угодно и в кого угодно.

– Да не вижу я ничего, товарищ лейтенант, – Панов, вытянув шею, вглядывался в гущу сплетенных цепких ветвей, – нету, вроде, никого. Это, может, просто кобыла глупая такая, да пугливая...

– Сам ты, – приготовился воспитать подчиненного Мокин, но онемел на полуслове – в кустах в полушаге от тропы на задних лапах стоял огромный медведь.

Панов увидел его на долю мгновения позже, но отреагировал сразу. Он сделал огромный прыжок, словно испуганный заяц, и оказался на противоположной обочине.

Мохнатый гигант внимательно смотрел на людей маленькими, налитыми кровью глазами, словно оценивал добычу, затем яростно рыкнул и передними лапами легко вывернул из земли стоявшее перед ним дерево. С треском подминая кусты, оно рухнуло, кроной едва не зацепив Панова. С громким ревом зверь ринулся на охранника. Панов инстинктивно отшатнулся, одной ногой прочно застрял в ветвях поваленного дерева. От пронзившего все его существо животного ужаса Панов взревел не хуже медведя.

Лошадь вновь вскинулась на дыбы, оторвав передние колеса телеги от земли. Кладь посыпалась в пыль обочины.

Мокин удерживал лошадь обеими руками, не давая ей убежать, приговаривая враз осипшим голосом: – Спокойно, девочка, спокойно, тихо...

– Я стреляю! – Дубин прицелился в медведя. Грянул выстрел, эхо откатилось в лес, но пуля не достигла цели.

Панов отчаянно дергался, пытаясь высвободить застрявшую ногу. Но все было безуспешно. Медведь внимательно рассматривал суетливую добычу, не обращая внимания ни на выстрел, ни на лошадь, ни на людей. Только один объект интересовал его – Панов. Зверь двинулся к нему, ломая кусты и деревья, вмешавшие достигнуть цели. Панов в панике соображал быстро, он попытался прикладом винтовки раздвинуть расщеп, намертво зажавший его ногу.

– Дубин, стреляй, стреляй, гад, пали в него, – орал Мокин, удерживая рвущуюся лошадь.

Зверь был уже совсем близко от Панова. Изогнув аркой спину, подобрал передние лапы к задним, напряженным для прыжка, медведь походил на гигантскую смертоносную пружину, готовую распрямиться в последнем рывке.

– Убейте его! – умоляюще вопил Панов.

– Стреляй, – орал Мокин, – сам стреляй!

Страшные клыки цвета грязной слоновой кости, узкие темно-синие губы были влажными от густой слюны, она висела на нижней губе, разлетаясь и падая в такт медленным движениям головы зверя, неумолимым, как смертоносный маятник. Два мелких горящих уголька его глаз неотрывно смотрели прямо на Панова.

И Панов, вырываясь из медвежьего гипноза, выстрелил. Из плеча зверя пуля вырвала клочок шерсти, мяса, фонтан крови.

Невидимая сила на мгновение остановила медведя. Он крутнулся на месте и прикусил зубами рану, словно пытаясь избавиться от источника неожиданной боли. Громовой рев потряс лес, и зверь ринулся вперед, припадая на раненую лапу. Прыжок вышел неточным, и в то же мгновение Панов выстрелил, не целясь. Отдача сбила его с ног, он рухнул в густые заросли и не увидел, как второй выстрел расколол череп зверя. Медведь остановился, словно наткнувшись на невидимое препятствие, грузно осел, кровавое месиво марало землю и кусты вокруг,

острые обсидиановые когти в последнем агонизирующем движении вырвали клоч придорожной травы. Черный кожаный нос медведя, со струйками ярко алой крови из ноздрей, застыл на расстоянии ладони от сапога Панова.

В лесу наступила мгновенно неправдоподобная тишина. Ни звука, лишь пронзительное жужжание насекомых и где-то высоко щебетанье невидимых птиц указывало на то, что в лесу еще существует жизнь.

Панов приходил в себя от пережитого потрясения, он приподнялся и оперся спиной о ствол большой осины. Его форма, лицо, руки, сапоги были покрыты брызгами медвежьего мозга и крови. Широко распахнутыми глазами он смотрел, как Дубин медленно и осторожно приближался к поверженному зверю. Дубин что-то бормотал себе под нос, стараясь говорить шепотом, словно боясь разбудить хищника.

Это была медведица. Она лежала на земле, как груды грязной шерсти, сброшенной сказочным чудищем. Ее разможенная голова с открытой плотью и свежей кровью привлекла рой насекомых.

Два медвежонка выкатились из кустов и бросились к матери, не обращая внимания на людей. Они трогательно похрюкивали, тыкаясь мордочками в еще теплый материнский мех, отыскивая соски.

Два выстрела прогремели одновременно. Медвежата дрогнули и затихли. Их мордочки застряли в меховом подбрюшье матери, словно они пытались ее сосать и после смерти.

Выстрелы снова испугали лошадь. Она дернулась, взметнулась было, дико фыркая, но, почуввав, что все кончилось, ей ничего не угрожает, стала дышать ровнее и глубже, как будто остывала после долгого бега.

Мокин держал ее под уздцы и отчаянно маневрировал, выводя телегу из кустов снова на дорогу. Он опасался, что близость медвежьих туш вновь испугает и взволнует лошадь, но – удивительное дело – когда кобыла приблизилась к трем мохнатым тушам, она спокойно обнюхала мертвых зверей и прошла мимо. Своим животным инстинктом она осознала, что эти груды мертвой плоти больше не опасны для нее.

Панов, наконец, высвободил ногу из капкана ветвей и приковывал к телеге.

Его теперь волновал практический вопрос:

– Что мы будем делать со всем этим добром, товарищ Мокин?

– Свалим на телегу, отвезем в Каменный Ручей. Хорош будет подарочек, что скажешь?

Втроем они с трудом взвалили тушу медведицы на телегу, закинуть медвежат было уже полегче.

– Ну, давай. Поехали! – голос Мокина приобрел прежнюю энергичность и командные интонации. – Эй, Дубин, а где заключенный?

Мертвая тишина повисла над дорогой...

Узник Фишер ушел!

* * *

– Ох, мать-перемать, Дубин, тебе было приказано следить за ним... А ты что делал, мудака? Где он?

– Я... я стрелял в медведя! – солдат был в панике.

– Бля... Раскатал губищи, проворонил вражину. Под расстрел пойдешь, сука, – Мокин глядел назад, высматривая на дороге следы сбежавшего Фишера. – Искать его, уроды, старик не мог уйти далеко...

Дубин крутнулся, как ужаленный, перехватил ружье наизготовку и, не дожидаясь приказа, резво потрусил по дороге в сторону деревни.

Пока солдаты были заняты медведем, Фишер неподвижно стоял, замерев, на обочине дороги. Оглушенный выстрелами, он с ужасом наблюдал убийство животных. Когда опасность для всех миновала, он присел и начал собирать свои вещи, и в первую очередь берестяные ролики. Они были разбросаны повсюду. В своих поисках Йозеф бережно отогнул тяжелую ветку на своем пути, сделал пару шагов, пригнувшись, и вернул еловую лапу на место. Он сделал еще несколько шагов в сторону от дороги, двигаясь беззвучно, как обычно, когда шел через лес к силкам.

Густой подлесок скрыл его от охранников. Старик, как лесной дух, слился с окружающей природой. Он обошел высокие разлапистые кусты, тщательно следя, чтобы не наступать на сухие ветки. Один рулон его золотистой бересты, видимо, последний, как выточенное из янтаря украшение, лежал на подушке изумрудно-зеленого мха. Он поднял его и, положив ладони на колени, присел на мягкую мховую подстилку.

Закрыв глаза, Йозеф отдыхал в тишине и спокойствии среди деревьев и растений, которые отделили его от чуждых враждебных людей. Он слышал приглушенные листвой и расстоянием возбужденные голоса солдат и громкие крики офицера. Заманчивая идея правомерности мести неожиданно пришла в голову Йозефа.

Он представил себе их лица, когда они поймут, что потеряли своего пленника. Это будут лица с глазами, полными паники и безысходной безнадеги, точно такие же, как глаза у людей на барже или в товарном вагоне, или у тех несчастных на берегу реки, когда офицер Мокин и его солдаты оставили бесправных бедолаг умирать без права помилования, даже без надежды на него.

– *Это будет очень просто. Проще, чем тогда зимой, когда я замерзал у дома, а Ты спас меня... Они никогда не найдут меня. Ни здесь, ни в деревне* – Он закрыл глаза и неуверенная улыбка появилась на его лице. – *Еще два шага, и я вообще не услышу и не увижу их никогда.* – Он глубоко вздохнул и открыл глаза.

Внезапно солнечный зайчик совершенно неуместный здесь и сейчас привлек его внимание. Он проследил, где сформировался этот отблеск, и увидел прямую линию металла – дуло, направленное в сторону дороги, откуда он пришел. Силуэт человеческой фигуры угадывался в густой листве, но сам человек сливался с растительностью подлеска и лишь ружейный ствол выдавал его присутствие. Йозеф узнал тунгуса Дойту, одного из местных жителей, которые иногда посещали их деревню. Дойту был с кем-то в паре, но Йозеф не мог узнать его спутника.

Сладость мести за его собственные страдания, за Ханну, его сына и всех безвременно погибших поселенцев из их деревни переполнила Йозефа. Эти солдаты, особенно Мокин, были ему неприятны, он хотел, чтобы они навсегда пропали из его жизни. *Сейчас это было бы так к месту, так вовремя, так правильно* — кипело у него в голове, однако, он не желал их смерти. Раввин громким шепотом окликнул охотника: «Дойту! Не делай этого!»

Охотник, не говоря ни слова, медленно поднял руку, давая понять, что он слышал Йозефа, но продолжал целиться в направлении солдат.

– Они убьют всех жителей! – Йозеф выдал скрипучий шепот из пересохшего рта.

– Сахта и Дойту убить их. Мой взять винтовка. Твой выйти на свободу. Много другой Бош выйти на свободу! – Лицо охотника расплылось в радостной улыбке. Он знал, что в жизни правильно, что нет. Выпустить пленников на свободу – это было правильно.

– Нет, Дойту, нет! Не делай этого! Они не должны пострадать из-за меня, – бормотал Йозеф в страхе оттого, что не сможет предотвратить недопустимое.

Держась за ветки, он поднялся с мягкой мшистой кочки и наступил на сухую коряжку. Звук сломаного дерева прозвучал в тишине леса как выстрел. Йозеф мельком подумал, что под его ногой хрустнул хребет неуловимого зверька по имени воля.

Охотник опустил винтовку, вопросительно глядя на Фишера.

– Ты хороший человек, однако, не хочешь уходить? – удивился охотник.

Йозеф подошел близко к своим спасителям. Он понимал, что времени нет, но не мог уйти, не сказав им чего-то важного.

– Вы должны уйти, Дойту. Я тоже должен идти. Спасибо вам. Доброй охоты и много добычи.

И он двинулся к дороге напрямиком через заросли, не оглядываясь.

– Вот он, вот он, гад, никуда не делся, тут он! – Панов закричал радостно и ломанулся в кусты. С красной довольной мордой он вытянул оттуда пленника, который вышел покорно, не прячась, не сопротивляясь.

– Ах ты, сука, ты где шлялся? Тебе же сказано, что любой твой шаг в сторону будет рассматриваться как попытка побега! А за побег, знаешь... Расстрелять тебя, падлу – и всех делов!

Лицо Мокина было красное, когда он подскочил к Фишеру, готовый, кажется, разорвать его в клочья.

– Пожалуйста, простите. Я очень испугался.

– Простить тебя? А знаешь ли ты, падаль, что было бы с твоими немецкими друзьями, если бы ты сбежал? – Мокин прохрипел это с ненавистью в лицо Фишеру.

– Я не собирался убегать, поверьте, – Фишер покачал головой.

Мокин увидел все же что-то странное во взгляде старика и пристально взгляделся в темную глубину леса.

– Кто был в лесу? Твои сообщники? Сколько их? Где засада? Ты понимаешь, сука вражья, что я имею полное право тебя пристрелить?! Панов, давай туда! Мухой метнись, все проверь! – орал Мокин.

Панов бросился в чащу, но вернулся обратно подозрительно быстро.

– Нет там никого!

– Вам, мудакам, ничего доверить нельзя!

Он выхватил винтовку из рук Панова, взвел затвор.

– Дубин, не спускай глаз с этого гада, – приказал Мокин другому солдату и бросился в лес, на ходу выкрикивая:

– Убей его на фуй, если двинется! Патрон в ствол дослать!

Дубин вскинул винтовку и встал за телегу, словно враги должны были появиться из леса в любой момент. Чувство высокой ответственности за порученное дело и гордость переполняли его. «Я буду... Я готов.... Так точно... Не волнуйтесь, товарищ командир! Я до последнего патрона...»

Вскоре Мокин, тяжело дыша, вернулся из зарослей.

– Никого нет. Ладно, поехали, – Мокин злобно глянул на Фишера и дернул поводья. – Я все едино дознаюсь, жаль, что сейчас пора!

Процессия снова двинулась по дороге к Каменному Ручью.

Всем пришлось идти пешком, держась возле телеги, на которой были навалены звериные туши.

Во всей этой кутерьме Мокин позабыл про записи на берестяных рулонах. И лишь некоторое время спустя он велел:

– А ну, покажь мне свои секретные писульки, Фишер.

Йозеф неохотно полез в торбу и подал небольшой свиток бересты офицеру.

Мокин попытался распрямить рулон, но хрупкая кора раскрылась в его пальцах.

Гримаса боли исказила лицо Йозефа, как если бы береста была частью его физического тела.

– Чего это ты мне суешь? Что за труха какая-то? – Мокин крутил перед глазами кусочки коры.

– Это мои заметки, записи. Самое ценное, что у меня есть. Позвольте мне оставить их у себя.

– Ну ты даешь, вражья сила, совсем дурной! Это ж вещественные доказательства, что ты немецкий шпиен. Бьюсь об заклад, что наш начальник будет этому весьма рад.

– Они безвредны. О чем я мог шпионить в глуши сибирской тайги? Пожалуйста, не забирайте их! – Йозеф прижал сумку к себе.

Но Мокин не слушал. Он грубо выхватил сумку из рук Фишера.

– Это не мое решение сейчас. С этого момента ты принадлежишь Лагерю. Начальник решит! – В голосе офицера слышалась некоторая радость, как будто он переложил груз на плечи другого человека.

* * *

Жизнь бывшего спецпоселенца Йозефа Фишера, ныне заключенного исправительно-трудового лагеря (ИТЛ) усиленного режима, была однообразной и каждый день предсказуемой с ранего утра до позднего вечера.

Фишер сразу начал работать в бухгалтерии, где он до позднего вечера помогал старшему бухгалтеру составлять не представляющие для него никакого смысла отчеты. Все эти манипуляции с цифрами не имели никакого отношения к математике, но так или иначе он складывал цифры, вычитал, умножал и делил их длинные столбцы.

Йозеф тосковал о трудной, но наполненной смыслом жизни среди немецких переселенцев, где он работал в школе и в своем саду, выращивая овощи и цветы. Там его бухгалтерия была своего рода переключением внимания и способом отплатить добром за добро людям, принявшим его членом своей общины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.